

Русь Святая, храни веру православную,
в ней же тебе утверждение!

Православная Русь

НАШ ДОЛГ – ПОДНИМАТЬ РОССИЮ

Я обязан, так как я сам жил практически в XX веке, много сказать о страшных безбожных годах. Их было 70 лет правления коммунистической династии, когда русский народ со всей яростью, богоненавистничеством бросился уничтожать нашу Святую Русь, нашу национальность. Уничтожали физически русских умных людей. А ведь мы в XX веке шли впереди всей планеты. У нас было много прекрасных русских изобретателей, один Сикорский чего стоит, чего стоит русский инженер, который изобрел систему вантовых мостов, и их потом применяли по всему миру, например в Сан-Франциско, и прочее и прочее.

И вот кучка презренных предателей, она подняла руку на умных людей. Кому это было надо? Зачем это надо? Для чего это надо? Это ваше право призадуматься, ваше право решить, ваше право оглянуться и увидеть, что на сегодня такие же предатели остались, которые кричат, что у нас с вами все плохо. На нас выливается грязь порнухи, которая прет с телеэкранов, наркота, а какая музыка и прочее... Идет не физическое уничтожение нашего народа, а духовное, а это еще страшнее, потому что ваши дети, да и вы, взрослые, подчиняетесь этой диктатуре Америки, Запада. Бжезинский сказал: «Я уничтожу православие, тогда Россия будет уже у ног Америки».

Духовная сторона происходящего страшнее физической. Тогда, в революцию, первым делом на что бросился Ленин со своей шайкой коммунистов? Отделить Церковь от государства. И тогда пошло и поехало. Уничтожить священников как совесть русского народа, уничтожить святыни нашего народа. Они не пожалели не только живых, но и мертвых, оскверняя честные мощи святых, как-то преподобного Сергия Радонежского, Серафима Саровского, нашего угодника Божия. Чем мертвые им мешали? Кого они боялись? Зачем кощунственно извлекли их из тех святых мест, где эти мощи находились? Сколько было монастырей, сколько было храмов! На каждом углу были храмы. И тут вся чернь российская поднялась в угоду безбожникам и разгромила на 70 лет счастье, благополучие и мощь нашей Святой Руси.

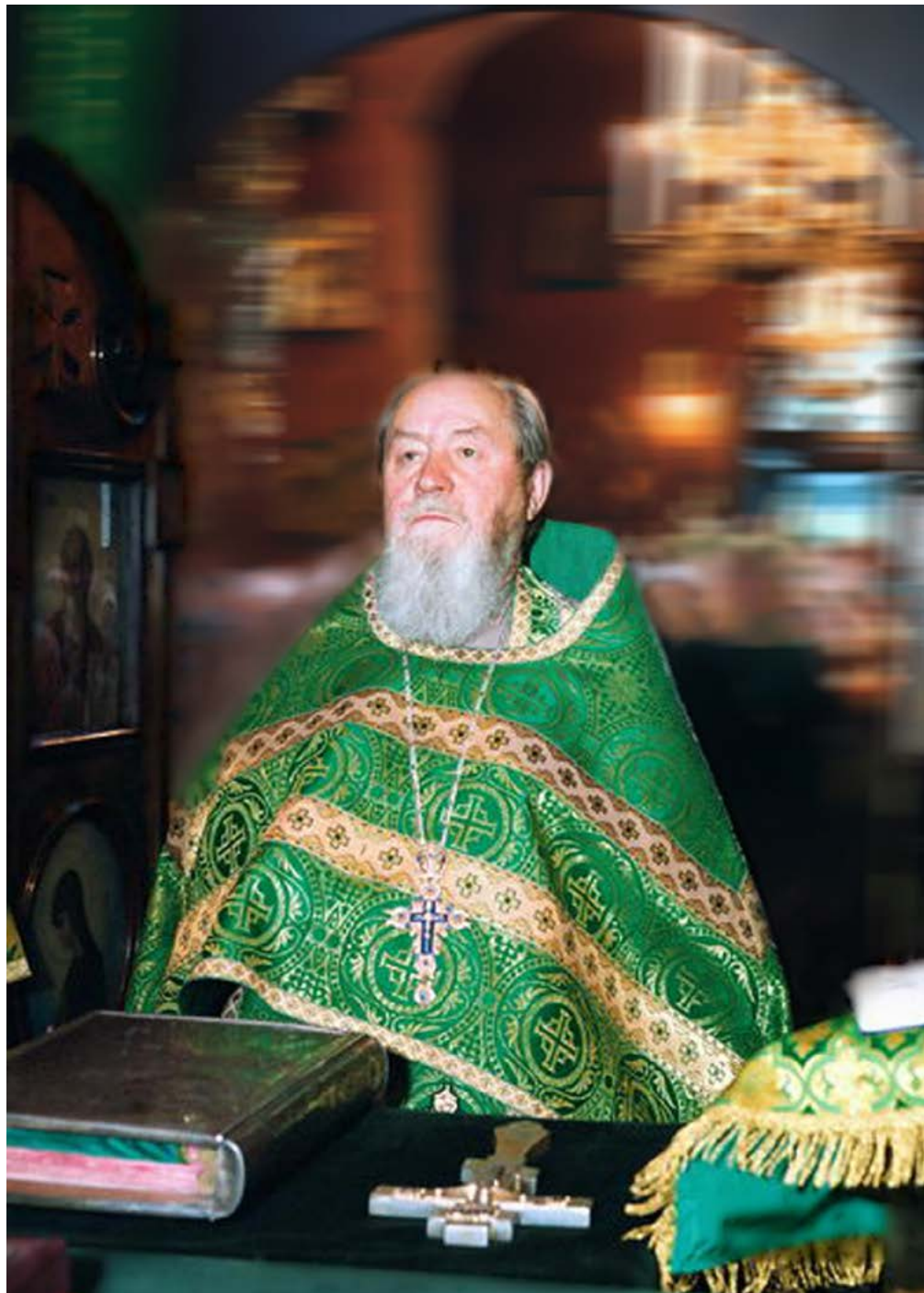
Им не надо было святости, как и сегодня предателям России, им не надо святыни, им надо разгромить все во имя своего временного благополучия. Именно временного: нажрался, проболтался, уехал куда-то, забывая обо всем. А народ? А мы-то с вами? А нам, может быть, и надо за это получить полный удар грязи жизни, потому что мы сами этого желаем. Мы хотим быть как свиньи, валяться в грязи. Хотя знаем: есть чистые источники, есть чистые места, где можно получить здоровье телесное, где можно получить и духовное исцеление, эти маленькие островки жизни – храмы Божьи, против которых опять россияне, предавшие Святую Русь, поднимают свой безумный предательский голос: «Не надо храмов», «Не надо икон». И лезут, прутся к нам все сектанты, а наши россияне, как безумные, идут навстречу этим лжепророкам и не хотят подумать: откуда они родом, кто их авторитет, чего они хотят? И вот какой-то Джон Маджон (и все

прочие) бегают в костюме, орет в микрофон, и вы слушаете его, идете на эти встречи, сидите в залах, и на ваших безумных лицах ухмылки из-за того, что мы верим в Бога, что мы пошли в Православную церковь. За кем вы идете? Для чего? Кто ваш учитель? Такие вы стали, как механические собаки. Вы – как заведенные игрушки.

Как вы думаете, почему с честными мощами святых стремились власти так кощунственно разделаться? Да чтобы показать: смотрите, не тому благочестивые благодородные россияне молились, не в то они верили, а вот мы-то, люди нового поколе-

взорван, и в Екатеринбурге взорван, все взорвано, все порвали очень основательно, чтобы мощь святости храма Божия, возведенного русскими людьми, не говорила, не напоминала о Боге русскому человеку.

Хотели, стремились, желали нас обезглавить и сделать пушечное мясо во имя мировой революции. Не вышло. Нас так мало оставалось в 20-е годы, кто готов был сохранить веру, но те, кто остался, не пошли ни в пионеры, ни в партию, и с Божией помощью сумели свою веру сохранить. Была перепись населения, если ты писал в анкете: «верующий», это значило – ссылка. Но мно-

Мы сохранили для вас, детей послевоенного времени, право, обязанность, долг быть русскими, быть православными, поднимать Святую Русь. Чем? Не кулаком, не криками: «Черный, бей его, убивай!» Это не наш путь. Поднимать Русь нужно верой, молитвой, посещением храма Господня. Но с такими, как некоторые приходят сегодня, не поднимешь. Говорит: «Я хочу причаститься». Я: «А что это такое?» – «А я не знаю». – «Хорошо, а как ты сам понимаешь?» – «А мне сказали», – и прочие безумные глаголы. Таких уже не время учить, поезд ушел, время уже кончилось, потому что они забыли свой долг. Наскоком, как махновцы, как партизаны, Бога не поймешь. Сколько они пожгли мощей, мы многих не имеем сегодня, зная, что они были у нас. Только по молитвам, по воле Божьей были сохранены мощи Сергия Радонежского, о судьбе мощей Серафима Саровского вы знаете сами: и куда ж угодника Божия, куда только не гоняли по Союзу, из Дивеево в Москву, там хотели пантеон сделать, всех наших угодников должны были поставить, не нашлось места. Тогда – в бывшую столицу, в наш город, в Казанский собор. Этот собор – сердце России, где лежит Кутузов, этот собор – память нашим защитникам России, Барклаю де Толли и всем. Они решили: «Вот мощи, сюда мы их свезем, сбросим». И вроде получилось, но опять нашлся русский человек и сохранил их, спас.

Это напоминает тупоумным людям о том, что Бог есть, что с Богом бороться не надо, от Бога отходить не надо. Получишь по полной программе. За все надо платить. И не надо кричать, что тебе трудно живется, тебе очень плохо, нет просвета. А что ты дал Богу? Что ты дал России? Грязные песни, грязные танцующие, порнуху, грязную писанину, грязные разговоры. Или: когда некто из нас, большинство, не могли воздержаться и не жрать мясо в Новый год. Вот вам облик предателя. Новый год. Пожалуйста, подчиняются: «Ах, компания там», – он и разъелся. Ну, что дальше ожидать? Дальше ожидать нечего. Поймите, если в малом, в мизерном, не выдержишь: «не буду», «не хочу», «незачем», «не для чего», то в большом не выступишь точно. У нас не хватает силы мужества, силы долга сказать: «Я обязан», «Я не буду», «Мне нельзя». А если ты такой непутевый, бесстыдный, так отойди от компании. Если ты безвольный – не ходи. А то нет, сидеть на двух стульях: а я хочу и Богу молиться, и хочу покантоваться, порадоваться в этой компании. Не пойдет.

А началось с малого. Они так понимали: убрали святыню от нас и думали: «Все, Россия не поднимется». Ах, какие были у них планы большие, гениальные: «Все мы сделаем», и мощь союзная у них была. Не вышло, ребята. А сейчас даже наш брат-украинец кричит: «Я уже для вас сготовил лопату, зарывать будем русских». Безумные люди. Больно мне за них, за то, что мы им все отдавали для поднятия их духа, но это дело их совести. А наш долг, россияне, – помнить все наши праздники, какие были в прошлом Святой Руси. Ведь смогли же мы в то страшное советское время не от-

ния, мы коммунисты, у нас нет святости. Одни сатанинские мощи остались, которые лежат еще на Красной площади, и люди прутся к этому кумиру, под его кровавым знаменем собираются, забывая, что он натворил. Они пытались, стремились, желали убить Святую Русь. Не вышло. Казалось бы, до войны мы – верующие – должны были быть все уничтожены, храмы должны были быть разрушены. Сознательно был взорван храм Христа Спасителя. Задумайтесь: в каждом областном городе губернском были взорваны кафедральные большие соборы. В каждом. И в Орле

гии не побоялись и так написали. А ведь это было в страшном 1937 году.

Мы защитили от наскока предателей российских Святую Русь. Наступила война, все разнесла в клочья. А мы, верующие, до этого светлого дня нашего времени по крупницам собирали мощь России, открывая храмы, начиная еще со времен оккупации. И после войны, под влиянием яркого примера веры и молитвы, люди стали ходить в церковь. Говорят сегодня предатели Родины: «Мы тоже за народ», «Мы тоже верим в Бога», а в церкви их нет, а руки их всецело обогреты кровью разрушений, уничтожений.

дать на поругание Бога. И вы сможете, только надо учиться вере, молитве, исполнению того, к чему зовет нас святая вера православная – везде показать своей жизнью, подвигом жизни: «Я – христианин».

И ваш долг – посмотреть, а почему я стою здесь в свои 80 лет? Да мне Бог помогает практически за ваши молитвы, за вашу любовь. Это познается терпением, вашим живым общением, а не налетом, не наско-

ком. Я вас учу: не ходите, не слушайте никого, чужих наставников, чужих мужей, чужих учителей не надо. Вы подумайте, вы всегда учились в одной школе, у одного педагога, так же надо и свой храм беречь, а не бегать по разным храмам, не искать святынь. И поэтому, вспоминая страшное время 20-х годов довоенных, я делюсь с вами горьким опытом, страшными переживаниями той эпохи. Любите Россию, любите Церковь, лю-

бите свой храм, это наша семья, наше святое место, молитесь, и нас Бог не оставит.

Когда мы к Нему обращаемся, когда мы Его не предаем, когда мы не надеемся на то, что скажет слово человеческое, а только на то, что Бог даст, тогда Он дает нам то, что надо, что мы понесем, а не то, что мы хотим своим гордым «я».

И пусть преподобный Серафим Саровский, наш храмовый покровитель, даст нам

укрепление в вере, благочестии и чистоте. Пусть просветит наше сознание, чтобы мы поняли, осознали, что Бога предавать не надо, не надо искать других наставников, мы это все уже проходили. Наш долг – поднимать Россию молитвой, верой и просить, чтоб великий угодник, печальник Русской земли был с нами и помог нам, россиянам, возродить всю мощь Святой Руси.

15 января 2006 года

МЫ ВСЕ ДОЛЖНЫ СЛУЖИТЬ НА ОТЛИЧНО

Настоятель храма прп. Серафима Саровского
митрофорный протоиерей Николай Коньков

Уже шесть лет, как нет Батюшки вместе с нами, но наш приход продолжает жить. Конечно, он немного обновился, стало больше ходить молодежи, особенно молодых пар. Все наши прихожане стараются жить так, как их учил отец Василий – быть людьми воцерковленными. Что значит быть людьми воцерковленными? Это прежде всего день начинать и заканчивать молитвой. Батюшка всегда просил, а иногда и требовал, чтобы люди православные начинали воскресный день обязательно с посещения храма. Ведь недаром мы с вами в Священном Писании в святом Евангелии читаем, что Господь наш Иисус Христос воскрес в седьмой день недели, а седьмой день недели как раз является воскресеньем, той малой Пасхой, которая дает нам возможность в этот день отойти от всех своих земных дел и прийти в храм, чтобы прославить воскресшего Спасителя. Этому учил нас и отец Василий.

Он призывал, чтобы люди шли к Богу, учил их, как нужно верить, как нужно молиться, как нужно совершать свой земной путь, чтобы через жизнь человека, через его дела, через его слова, через его поступки прославлялось бы имя Божие. Чтобы верующий человек всегда был примером для тех людей, которые сейчас еще, может быть, и ходят где-то вокруг Церкви, ищут дорогу в

Церковь, ищут, как прийти к Богу. И вообще задают себе вопрос: а что есть истина, а для чего человек живет, для чего вообще дана ему земная жизнь. На все эти вопросы отец Василий говорил: «Приходите в храм Серафима Саровского», или, как сказано в Слове Божиим: «Приди и виждь», то есть приди и посмотри, как мы здесь молимся, как мы здесь совершаем Богослужение, как мы здесь стараемся побеседовать с вами. А Батюшка всегда умел найти к каждому человеку свой подход, свой ключик к душе человеческой потому, что у Батюшки была большая жизненная школа за плечами.

Я думаю, мы все помним о его тяжелой юности в довоенное, военное время и после войны. И то, что он закончил Ленинградскую Духовную Семинарию, и то, что он учился и дружил с ныне покойным Святейшим Патриархом Алексием II. Это сыграло свою роль в становлении его как священника, как духовника, как духовного старца, не только по возрасту, не только из-за того, что он являлся старейшим клириком нашей Санкт-Петербургской Епархии, но за его большой духовный опыт. Я до сих пор всегда вспоминаю свою первую Литургию, которую сослужил вместе с отцом Василием 5 июля 1981 года. Для меня это осталось неизгладимым примером того ревностного служения, той горячей

веры и молитвы к Богу, который показал отец Василий. Не только в тот день, но и во многие, многие другие дни, когда он совершал Божественную Литургию.

Я имел такое счастье – возможность сослужить ему в течение 23 лет. И всегда, когда Батюшка служил Литургию, будь это поздняя Литургия в воскресный день или в праздник, или в будний день, я его просил, позвольте, Батюшка, Вам сослужить. С какой там стороны, справа, слева, в начале, в конце – это не имело значения. Потому что молясь вместе с ним, я ощущал ту Божественную благодать, которая исходила из всего его существа. Из его глаз, из слов, когда он читал молитвы. Можно выразиться, что весь он источал Божественную благодать. Это был особый священник. Сейчас он душой все равно с нами, с теми, кто любит его и исполняет то, чему он нас учил. Потому я часто ощущаю какое-то невидимое его присутствие, когда стою перед Престолом Божиим.

Каждый священник иногда испытывает во время службы какие-то сложные моменты, может, Батюшка устать физически, может, еще что-то, но когда мысленно обратишься к отцу Василию за помощью, то сразу чувствуешь духовную поддержку, сразу воспрянешь духом. И вся Литургия дальше совершается на одном дыхании, в

одном порыве, как Батюшка всегда говорил. Большая заслуга Батюшки в том, что он создал и приход, и коллектив священнослужителей. Наш правящий архиерей Высокопреосвященнейший Митрополит Владимир всегда говорил, что причт нужно создавать на приходе, то есть священники должны быть из своего прихода. И Батюшка отец Василий тоже всегда старался это делать. И тогда, и сейчас, в любое время можно обратиться к нашему правящему архиерею, и он даст любого Батюшку, если это будет нужно. Но всегда лучше, чтобы священник, диакон были из своего прихода, взращенные как бы на духовной ниве, а не пришедшие откуда-то. Это очень важно. Эту задачу отец Василий Ермаков ставил перед собой и выполнял прекрасно. Поэтому и приход-то живет.

Батюшка всегда говорил, что не я вас зову к себе, а зовет вас к Себе Господь, зовет к себе преподобный Серафим Саровский, который всех нас собрал сюда. Так всегда он обращался и к прихожанам, и к священнослужителям: «Помните, что все мы с вами служим нашему Господу и Спасителю и служим преподобному Серафиму Саровскому», а значит, мы все должны служить на отлично.

По материалам интервью Православной студии Петербурга

О. Василий с о. Николаем. Литургия в храме прп. Серафима Саровского

ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ

Митрофорный протоиерей Аристарх Егошин,
клирик храма прп. Серафима Саровского на Серафимовском кладбище

И когда выведет своих овец,
идет перед ними;
а овцы за ним идут,
потому что знают голос его.
(Евангелие от Иоанна, гл.10.4)

Меня назначили в храм Серафима Саровского, когда Батюшка заболел. И я, к сожалению, с ним уже не служил. Я почувствовал особую атмосферу прихода, который он создал. Прежде всего можно отметить особую глубокую внимательность к слову Батюшки Василия. Все, что он людям говорил, чему учил, воспринималось очень серьезно. Пытались исполнить все его советы, все его наставления. Также особенно удивляла какая-то его необыкновенная открытость к каждому человеку, способность говорить от сердца к сердцу. Люди чувствовали большую духовную силу его слов, не просто опытность, но именно еще и внутреннюю духовную силу, внутреннюю веру, поэтому все, что было сказано им лично, все сохранялось как воля Божья, и люди старались это исполнять.

Центр прихода – настоятель, отец Василий. Все делалось с его именем на устах, то есть он был именно духовный лидер, пастырь, за которым идут овцы, как сказано в Писании. Овцы слышат глас своего пастыря и идут за ним, а пастырь ведет их за собой. Это единство пастыря и паствы ощущалось сразу, чувствовалось, что духовный наставник и духовные чада составляют одно целое.

Я слышал о нем уже только из уст священников, с которыми служу, и из уст наших прихожан, которые духовно окормлялись у Батюшки. Все его наставления, даже спустя 10 лет, они сохраняют в своем сердце, все слова хранят и дорожат ими, помнят, что именно им было сказано, и они получают помощь Божью по молитвам Батюшки. Эта вера твердая, потому что они знали: когда Батюшка молился,

действительно происходили очень сильные изменения в их жизни. Многие даже, по сути, благодаря ему возвращались к жизни, потеряв веру, находившись в отчаянии. Батюшка умел им сказать такие нужные слова, подобрать ключик к их сердцу, что они буквально возрождались и получали осязаемую помощь от Бога, по молитвам Батюшки Василия. Мне это говорили разные люди в разное время, и никакого сомнения у них не было, что именно по молитвам Батюшки они получили помощь от Бога в своей жизни.

Я видел записи проповедей Батюшки и его службы. И, конечно, как любого священника, его необыкновенный дар, а именно полное духовное единство со своей паствой, меня поразило. Он и паства – одно и то же. Нет каких-то разделений, дистанции: я здесь, а вы там. Нет, мы одно целое. Среди людей он служит молебны. Люди его окружают везде. Когда он говорит, искренность чувствуется в каждом слове, за каждым словом стоит многолетний опыт пасторского служения и человеческого опыт, тем более что его детство и юность пришлось на суровые военные годы, он ребенком оказался на оккупированной территории. И поэтому опыт человеческий, соединенный с опытом духовным, делали его проповеди очень сильными. Люди слушали, запоминали, записывали для того, чтобы потом руководствоваться его словами. Это даже видно по глазам тех людей, которые его слушают и ловят каждое его слово. Для меня, как для священника, это пример истинного духовного служения Богу, служения по призванию. Господь призвал его к служению в алтаре, и он отзывался на этот призыв Божий и исполнял его самоотверженно, полностью посвятив себя служению Богу. Он переживал за тех людей, которых ему доверил Господь, ходатайствуя за них перед Богом, молясь за них. Это тот до-

брый пастырь, который душу полагает за овцы своя, как говорит Христос. Это исключительный пример искреннего, одухотворенного служения Богу в наше время.

Когда меня назначили, я очень обрадовался, что у меня есть возможность послужить с самим отцом Василием Ермаковым, но, к сожалению, не получилось. Я в этом прежде всего вижу волю Божию. Но я очень рад, благодарен Богу, что у меня есть такая возможность, я служу в храме, в котором он сам так много послужил, на приходе, который он создал. Для меня это очень важно как для священника, служба в таком храме, в таком месте.

Я бы отметил еще, что Батюшка учил свою паству очень серьезному отношению к Таинству Причащения. Люди получили от него наставления, как важно вычитывать молитвенное правило, как важ-

О.Василий. Престол в храме прп. Серафима Саровского.

но соблюдать пост, как важно присутствие на богослужении. Вообще, любовь наших прихожан к храму как к дому Божьему – это большая заслуга именно Батюшки Василия, не просто веровать в душе и приходить в храм, когда есть возможность, а именно регулярно посещать богослужения, службу, как общение с Богом, молитвенное общение. Это такая духовная культура, которой священник должен научить и привить ее своей пастве. Люди понимали, что такое храм и что нужно даже соответствующим образом одеться, приходя на богослужение, приходя в дом молитвы, нужно себя подобающим образом подготовить и внутренне, и внешне. Молитва в храме – это очень важная и торжественная часть жизни, поэтому нужно также быть и соответствующим образом одетым. Это я бы тоже выделил как любовь к храму как к дому Божьему.

Приход в нашем храме был огромный. Общение с таким количеством людей стоит очень большого напряжения физических и духовных сил. Я могу предположить, что, у Батюшки вообще практически времени для личных дел не оставалось. Он целиком был востребован. 24 часа в сутки кто-то в нем нуждался, и кто-то к нему пробивался, кто по телефону, кто так. Он целиком посвятил себя именно служению Богу как священник Русской Православной Церкви. Вся его жизнь была подвигом настоящего самоотверженного служения Богу.

О. Аристарх на пасхальном богослужении в храме прп. Серафима Саровского

СЛУШАЙ СЕРДЦЕ СВОЕ

Протоиерей Никита Бадмаев, клирик храма прп. Серафима Саровского на Серафимовском кладбище

О. Василий с о. Никитой

Попал я в Серафимовский храм к отцу Василию в 1993 году. Мне было 19 лет. Шел я на клирос к своему учителю, к регенту Вячеславу Евгеньевичу Римше. Он меня звал петь. Я бросил институт киноинженеров, делать было нечего, решил – пойду попою в храме. Тем более он меня звал, ждал. Два раза я подходил вечером к нашему храму, он был закрыт. Приезжал специально, но что-то перепутал по времени. Третий раз поехал с утра. Попал сразу на праздник Воздвижения Креста Господня, к службе. Приехал между литургиями. Встретил Вячеслава Евгеньевича, и он привел меня прямо на клирос. А там меня сразу Отец Василий и приметил. На клиросе в хоре оказались мои родственники, Катя и Наташа Гусевы, Бадмаевы. Они меня к Батюшке тоже подвели, представили как родственника, и Батюшка мне: «Бадмаевский, давай, давай, сюда ходи, все». Ну и сразу же он меня, конечно же, зацепил за живое, потому что я увидел, что кому-то нужен, что кто-то проявляет ко мне внимание, любовь, и отеческую, дедушкину любовь, которой мне не хватало. Отца у меня не было. Я с мамой рос. Батюшка для меня сразу стал и отцом, и дедушкой, и началась моя жизнь в храме с отцом Василием. После его служб, после его благословения, я шел по кладбищу и подпрыгивал, так меня переполняла ра-

дость и благодать, которую от Батюшки получал, да и все, конечно, получали. Вячеслав Евгеньевич поначалу мне все рассказывал: и про то, как надо молиться, что читать, про отца Василия все рассказал, кто он такой, какой он большой и великий человек в духовном плане. А потом я на своей практике увидел все: кто такой отец Василий, всю его любовь, мудрость и духовность. Ну и Батюшка меня приметил. Я научился читать и петь, в алтаре прислуживать, звонить в колокола. Батюшка стал меня брать с собой на освящение квартир, еще какие-то мероприятия. Я пытался куда-то поступить учиться, но он сказал мне: «Учись у меня». Я перестал пытаться, стал просто петь и 10 лет пропел на клиросе, учась у отца Василия. Но я ничего не расспрашивал у него, как и что делать, как себя вести и как мне жить. Просто был рядом, смотрел, как он общается с людьми, впитывал его школу отношения к Богу, к людям, к вере, к молитве, к церковному служению. Ну и, конечно, для меня он стал тем священником, глядя на которого, захотелось тоже встать на путь священства. Я, когда пришел в храм, об этом вообще ведь не думал. Я просто шел попеть. А потом потихоньку, постепенно, видел пример отца Василия, учился у него, и это желание во мне как-то возникло, хотя Батюшка мне ничего конкретно не говорил.

Намекал так, прикровенно, но конкретно не говорил. Когда я уже женился и поставил вопрос ребром о том, что пора мне поступать в семинарию, он говорит: «А ты певцом не хочешь стать?» Искушал меня. Я об этом вообще не думал, про певца. Сейчас понятно, что Батюшка меня изначально вел по пути служения в Церкви, но тогда я многого не понимал. Одно время я стал ездить в Ропшу, кататься на лошадях у Олега Гришина. И однажды Батюшка на меня так смотрит и говорит: «Ничего, мы тебя обкатаем, обкатаем». Я говорю: «Я уже обкатался, катался на лошадях». Он говорит: «Не искушай дедушку, а то возложу поспешно руки». Я не понял. А это цитата из Апостола Павла: «Не возлагай поспешно руки». Думаю: «Что он?» Мне Вячеслав Евгеньевич объяснил потом: «Намекает на то, что тебя рукополагать собирается, обкатывать тебя к этому делу». Ну так я и обкатывался в Батюшкиной любви и Батюшкином окормлении духовном. Конечно же, я всегда чувствовал эту любовь и радость при нахождении с ним рядом. Мы все здесь понимаем, что Батюшка был наполнен благодатью, и каждый в свою меру эту благодать ощущал и получал.

Батюшка был для всех нас настоящим отцом, он устраивал наши судьбы, жил нашими жизнями. И моя жизнь и семья созданы им. Он благословил нас с Машей. Мы венчались в храме Духовной академии. Туда отец Василий всех тогда отправлял к отцу Георгию Митрофанову. Венчали нас три священника, а отец Василий ходил вокруг, все организовывал, свечки поправлял, молился. Потом Батюшка стал крестным у Лизы, второй нашей дочки.

Что было отличным в отце Василии, так это трезвость в отношениях с Богом и людьми. Без перегибов, без ухода в какие-то заумные псевдодуховные практики, сектантство, перемаливание, перепачивание. Не уход от реальной жизни в исключительно духовную, а умение радоваться простым житейским вещам. Батюшка буквально заставлял радоваться жизни. Например, петь песни. Меня вот заставил выучить «Бородино», «Очи черные», и когда были праздники, требовал, чтобы я их пел. Но ведь это было не только развлечение. У меня, например, боязнь сцены с детства была, а Батюшка тем, что он просил и что ему не откажешь, заставлял делать усилие над собой, приходилось перебарывать себя, а это школа определенная.

По священническому служению мне Батюшка не давал конкретных советов. Просто было и так все понятно более-менее. Какие-то вопросы я задавал, естественно, практические. Например, как быть, когда человек что-то спрашивает, а ты не знаешь, не хватает у тебя опыта ответить. Он говорил: «Слушай сердце свое». А остальное все было на глазах у меня: пример его молитв, его отношений с людьми, его любви, пример его строгого отношения к молитве, к правилам тем маленьким, которые у нас есть, его внимания, абсолютного сосредоточения на службе, во время литургии, когда без лишних разговоров и отвлечений. Пересматриваешь записи с Батюшкиными службами и видишь, сейчас уже другим взглядом, через опыт своего служения, насколько он напряженно стоит у престола, весь во внимании, в молитве. Если он на что-то и отвлекался, давал кому-то указания, еще что-то, то это всегда было в собранном состоянии. Всегда духовное, отточенное, внимательное отношение к своему пастырскому служению, и к службе, и к людям. У Батюшки была удивительная простота в общении, с любовью, без напряжения. Он только в исключительных случаях настаивал на своей воле. А так, обычно, если человек не слышал, не понимал, что он ему говорит и благословляет, он говорил: «Делай, как хочешь». Не ругался, не накладывал никакие прещения и не заставлял делать по своей воле, если человек не понимает, еще не вырос. И я сам тоже не все понимал, что он просит. Например, он всех ругал, что ходили в джинсах, в футболках. А я ходил в джинсах и в футболке, и он меня не ругал, потому что, видимо, видел, что я не готов еще. Действительно не понимал, что тут такого плохого. Потом в какой-то момент перерос это все, подростковое, понял, что нужно, какой должен быть внешний вид. Хотя он мог бы сказать в приказном порядке. Я бы послушался. А он хотел, чтобы человек сам понял какие-то вещи, сам доходил, додумывал. Я для себя так решил, что если и не понимаю, что он говорит, то все равно буду делать, потом пойму. Так всегда и выходило, что я потом доходил, допонимал, чего он хотел, что он имел в виду и почему он то или иное просил и говорил. И, конечно, всю жизнь ощущалось его живое участие в твоей жизни, не просто формальное, а глубокое и внимательное его отношение к твоей жизни, к твоему духовному внутреннему миру, хотя это не

Батюшка по центру. Слева и справа от него о. Никита и матушка Мария

выражалось какими-то словами. Например, такой показательный случай. Когда я уже священником служил у отца Сергия Филимонова в храме «Державной» иконы Божией Матери, то в свободное время приезжал все время к Батюшке. И так случилось, что остался один священник на целую неделю в Серафимовском храме, все разъехались: и Батюшка уехал, и все остальные. Батюшка меня попросил: «Ну ты приди, помоги». У меня там, в «Державной», не очень много служб было на той неделе, и я говорю: «Да, да, конечно, приду». Я думал, что мне позвонят и скажут, когда приходить. Надо было мне самому позвонить, узнать, договориться. А я как-то на тормозах все спустил и так и не пришел ни разу. Когда Батюшка вернулся, я прихожу. Батюшка на меня не смотрит. «Здравствуй», – и все. Я понял – накосячил, пообещал Батюшке, а сам не помог ничем. Но он мне ничего не сказал. Он не ругал меня. Просто, как он может, не замечает тебя и все. Я очень расстроился, начал каяться, у себя дома плакать, как же так, как в Евангельской притче, пообещал и не пришел. А потом, через какое-то время, через неделю, наверное, я приезжаю опять к Батюшке. И надо было какую-то тетеньку подвести к нему. Подвел тетеньку. Он на нее не смотрит. Смотрит на меня такими радостными глазами, улыбается и на ушко

так: «Епитимья снимается». Он видел и чувствовал мое состояние души и эту живую связь мою с Богом, мое покаяние, мое осознание греха. И простил просто без всяких разговоров, без всяких расспросов, нравоучений и ругани и даже без моего видимого покаяния, я ведь так и не сказал: «Батюшка, простите, виноват». И только я один понял, что он мне там на ухо буркнул, какая такая епитимья. Настоящая живая связь была с духовным отцом, практическая.

Отношение отца Василия с клиросом – это отдельный разговор. Он нас всех выразил в этом хоре. Все мы – его духовные чада. Всех он нас собрал, и всех он нас научил и петь, и служить. Мы были связаны с ним непосредственно. Наверное, ни один настоятель столько внимания хору не уделял, сколько отец Василий. Перед службой всегда выглянет из алтаря, подбодрит, пошутит, вдохновит. И мало того, он нас всех собирал раз в год или даже чаще. Мы встречались в «Приютино», как он сам называл эти встречи, на квартире у наших певцов. Это были настоящие праздники. Мы там отдыхали душой, пели песни, веселились, танцевали даже. Батюшка нам давал эту возможность простого человеческого отдыха, праздника, человеческих эмоций, чувств хороших, положительных, радости, которую мы там испытывали,

когда были с ним. И он нас, клирос, брал с собой в те значимые для него места, где требовалось наше пение. Это прежде всего Сосновый Бор и Болхов. В Сосновый Бор он ездил регулярно, вдохновляя своими службами и прихожан, и священство. И мы неизменно ездили с ним, потому что на службе были с ним на одной волне. Был у нас там даже концерт, песни на который он вместе с регентом Мариной сам выбирал. И в Болхов, свой родной город, он нас брал с собою, организовывал поездки клироса и прихожан, чтобы и там тоже духовную жизнь возродить, чтобы там показать людям, как можно молиться, как можно служить, как можно петь. Для него это было очень важно. Он нас очень ценил и берег, а мы – его. Песни, которые мы с ним пели, конечно, те, которые ему нравились. Которые ему не нравились, как-то сами собой отпадали. А нравились песни простые, наши русские народные и украинские, красивые, мелодичные. Да вообще Батюшке нравилось все, что человек делал от души, когда душу вкладывал, отдавал делу, тогда можно было петь что угодно. Главное, чтобы это было по-настоящему. А с Батюшкой невозможно было быть каким-то фальшивым, притворяться, чего-то там изображать из себя. Все было на виду, просто и хорошо, радостно. Вот так вот.

Батюшка и сейчас, конечно, присутствует в нашей жизни и никуда не ушел за эти 10 лет. В своей нынешней жизни постоянно ориентируешься на Батюшку: как бы Батюшка повел себя в этой ситуации, что бы он сказал, а если бы представить, что он вот это видит и смотрит на это, какая была бы его реакция. Это постоянно на заднем плане сознания присутствует у меня. И стараешься себя подтягивать под эту планку, которую Батюшка выставляет, в своем сознании. А так снится Батюшка иногда. Снится обычно, что он опять живой, опять с нами, и сразу начинаешь лезть к нему с какими-то проблемами. Последний раз, когда вот он так мне приснился, я начал ему проблему какую-то прихожанки рассказывать: «Батюшка, вот такая вот там...» Он говорит: «Решай сам». И все, перестал сниться, чтобы я к нему не приставал больше во сне с проблемами. И я понял для себя, что должен сам уже думать и сам рассчитывать на свои силы, молиться и принимать решения, а не переваливать все на Батюшку опять, тем более во сне. И на самом деле, пока мы Батюшку помним, ориентируемся на него, он с нами, его благодать с нами, его молитва. Вон сколько у прихожан всяких историй, как он помогает: ему молишься, он решает проблемы. Я знаю и верю, что Батюшка нас всех не оставляет и присутствует во всех наших делах.

НИЖАЙШИЙ ПОКЛОН ТЕБЕ, БАТЮШКА ВАСИЛИЙ!

Протоиерей Александр Птицын

О. Василий с о. Александром в храме Воздвижения Креста Господня на Чистом Вражке. 2006 г.

27 лет назад, это был 1989-й год, слышали мы в Москве, что есть в Петербурге такой патристический Батюшка, который радеет за Россию, страдает за Россию и говорит проповеди, посвященные нашей стране. А мы, молодые люди, 23–24 года, искали в это время сущность, смысл жизни, поскольку были тоже патристически настроенные, входили в общество «Память». Конечно же, у русского человека есть два вопроса: кто виноват и что делать. Кто виноват, нас научили в обществе «Память». А что делать, конкретно? Мы хотели все и сразу переменить, видя разрушенные святыни нашей русской земли. Только год прошел после празднования тысячелетия крещения Руси. Все тоже было разрушено, все уничтожено. И вот в жизни появляется такой величайший человек, отец Василий Ермаков.

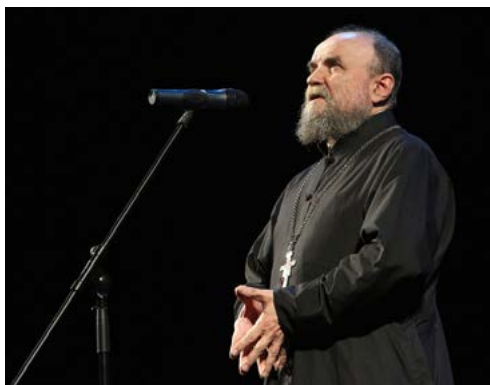
Встреча была с ним совершенно неожиданная, поскольку приехали мы с моим другом, ныне покойным, Сергеем Воротынцевым, и, выйдя с Московского вокзала, пошли в первый ближайший храм, спросили за свечным ящиком: «А где у вас служит отец Василий?» – «А вам какой нужен? Ермаков или Лесняк?» Мы даже фамилии не знали. Знали, что отец Василий. «Один, – говорят нам, – служит на Охтинском кладбище, а другой – на Серафимовском». И понесла нас нелегкая на Охтинское кладбище. Проехав весь город, придя к концу службы в этот храм, опять обратились к свечному ящику и спросили: «А где у вас отец Василий?» – «Так вот он, вышел на молебен». Как только увидели мы этого отца Василия, решили, что это не наш Батюшка. Даже не подходя к нему, развернулись и поехали на Серафимовское кладбище. Уже была середина дня, где-то часа три дня. Храм был полупустой. Народ стоял, ждал. Батюшки не было. Мы спрашиваем: «А где же он?» – «А он сейчас должен выйти вот из этой левой двери, где вот кухня-

ка». Мы, ярые такие патристы, в черных рубашках, с Георгием Победоносцем на груди, пришли спасать Россию и увидеть Батюшку Василия. И как только он вышел, он увидел нас и, подходя к нам: «Ой, ребята, я как вас давно ждал». Обнял и начал рассказывать, как в проповеди, и про Россию, и любовь к ней, и как коммунисты довели и многое другое.

Эта первая встреча много дала нам, но впоследствии мы много дров наломали, не сразу воцерковились. Попали в ситуацию, когда были даже в катакомбной церкви. Меня там даже рукоположили в дьяконы. И тогда Серега, мой друг, пошел к отцу Василию и сказал: «Сашка там попал серьезно». А Батюшка ответил: «Скажи Сашке, чтобы он ко мне пришел. Если не придет, пусть приползет. Он приползет ко мне». Мне как-то не захотелось приползать. Я сразу же на следующий день пришел. Он меня просто обнял: «Ну куда ты торопишься? Будешь ты и дьяконом, будешь и священником». И после этих слов духовное руководство всегда напрямую было от отца Василия. Каждое слово, каждый шаг нашей жизни он контролировал. Благодарности нас восстанавливать храм Воздвижения Креста Господня в центре Москвы на Плющихе. И буквально его молитвами, его помощью духовной этот храм сейчас восстановлен, сияет былой красотой. Также в моей судьбе участвовал его духовный, можно сказать, брат, друг, святейший патриарх Алексий II, который меня рукоположил в сан священства, дал духовное начало. И как хочется поклониться таким величайшим столпам нашего русского православия: отцу Василию Ермакову и его собрату духовному, руководителю всей нашей русской православной церкви, святейшему патриарху Алексию II. Нижайший поклон тебе, Батюшка Василий, от всех нас, от всех нас, твоих духовных чад.

ХОДИ В ЦЕРКОВЬ, ВСЁ ТЕБЕ БУДЕТ

Протоиерей Вячеслав Новоселов

О. Вячеслав на вечере памяти о. Василия.
г. Санкт-Петербург

Начинал я воцерковляться послушником в Псково-Печерском монастыре. Первый старец мой был схиигумен Савва Осташенко. После его кончины многие чада перешли к отцу Адриану, но он был более суров. Он и сейчас суров, если кто к нему попадает. Да суровость его проявляется даже в том, что к нему и попасть-то невозможно. Ну а из тех, кто помельче, помягче, мы перешли, конечно, к отцу Иоанну Крестьянкину. Это был такой душка в видимом мире, а в невидимом... Только сейчас, читая опубликованные неоднократно его письма, я понимаю, какой это был гигант духа. А тогда он был душка. И все проблемы, которые у меня возникали... Я в то время уже служил далеко на юге, священнослужителем в кафедральных соборах, Ташкент, Ашхабад, и стали у меня возникать проблемы. Перестройка... Если до этого нас называли: «О, русский мулла пошел», а с началом перестройки как-то перестроились и все мусульмане по отношению к нам. Начали возникать проблемы. Я стал часто прилетать в Ленинград, а оттуда в Печоры. Прихожу к отцу Иоанну Крестьянкину. Он говорит: «Ну что, опять проблемы. Давай сейчас проблему переведем в ситуацию, ситуацию в события, а потом вообще будет ничто». Так и происходило. А потом он как-то меня спрашивает: «А через что ты ко мне прибываешь? Через Первопрестольную или через Северную?» Я говорю: «Через Северную. Мне так удобнее». Ташкент–Ле-

нинград тогда очень хорошо самолет летал и копейки стоил по тем временам. А тут до Печоры недалеко. Он говорит: «Ой, а я тебе хочу вообще сэкономить. И до Печоры ты на чем добираться?» Я говорю: «На такси. Все-таки же мундир обязывает, настоятель». И тогда батенька говорит мне, отец Иоанн Крестьянкин: «Экономь. Остановись в самом Питере, пойди на Серафимовское, там отец Василий Ермаков. Он точно так же, как и я, разведет все твои проблемы руками. Тем более он белый священник, как и ты, а я монах, мне иногда будет труднее тебя понять».

И вот я как-то прибыл после каких-то проблем. Тогда не было метро Старая Деревня, да и Черная Речка у меня само название вызывало какую-то такую неприятную ассоциацию, связанную с Пушкиным и Дантесом. Я поехал с Пионерской, потому что все мы были, мое поколение, пионерами в свое время. Я поехал с метро Пионерская на 93-м, как сейчас помню, троллейбусе. Была зима. Я южный человек, после 22 градусов с плюсом на юге вдруг в такой же градус, но только мороза, иду оттуда, с этой остановки. Ну, знаете, теперь называется афганская аллея. Иду, померз. А никто тогда не чистил снег. И сейчас, бывает, не чистят снег. Пробился. Захожу. Теплый храм, деревянный. Мне все понравилось. И вдруг навстречу мне в пустом храме идет... Только не обижайтесь, что я Батюшку как воспринял. Профессор Преображенский из кинофильма «Собачье сердце». И тут я начал соображать. Я-то грешным себя считаю перед Богом и даже иногда себя называю dominikanis. Есть такие католические монахи, доминиканцы, переводится Dominis – божьи, kanis – собаки. И думаю: «Так, я божья, я собака, и он сейчас из меня будет делать, как из Шарикова, человека». А у меня уже был опыт духовничества своего. О, как я побыл младостарцем! Если кто ко мне тогда попал, наверное, до сих пор в церковь не ходят. Вот я поэтому и живу, их отмаливаю. Ну вот. Смотрю – не-не-не, я этому профессору в руки не дамся. А он мне и говорит сам: «А что ты пришел-то,

проезжий человек?» Нет, он сказал: «Проезжий человек». Это из священного предания, не буду отвлекаться. Я думаю: «А правда, что я пришел?» И я повернулся и ушел.

Это было в 86-м году. Приезжаю сразу в Печоры и говорю: «Отец Иоанн, я знаю, ты испытывал меня». Но тот вдруг проявил излишнее смирение, говорит: «Ну и продолжай ездить ко мне». 10 лет я к нему ездил. Потом первая чеченская война. Митрополит, царство ему небесное, Гедеон направляет меня настоятелем под бомбы в Грозный. А я не хотел умирать в то время. Я чувствовал, что я еще не готов по мытарствам ходить. Ведь вы знаете, как различить, где ваша душа будет сейчас, если вы в сию минуту умрете. Если вы осуждаете всех и не осуждаете себя самого, вы в аду. Если вы осуждаете весь мир, но уже начинаете осуждать и себя, вы на мытарствах. А если вы никого не осуждаете в этом мире, осуждаете только самого себя, вы уже в раю. Да, так. И вот чувствую я, что я не готов под эти бомбы. Там еще много было деталей. Правда, тот Батюшка, который вместо меня поехал, царство ему небесное, он там уже новомучеником считается. Зря я не поехал, сейчас был бы уже в раю. Отец Анатолий Чистоусов... Мы с ним в свое время как-то в одном пединституте учились в Ставрополе, только я на историко-филологическом, а он на естественно-географическом факультете. Видите, естественники более такие, близкие к Небу. Не поехал я. И когда я находился уже в епархиальном управлении, вдруг подходит ко мне сторож. Я волнуюсь, сейчас меня отвезут в Грозный, я не хочу. И вдруг мне показывает он книжечку, на которой, может, вы помните, такая желтоватенькая была, это еще 96-й год, на ней Батюшка в митре изображен таким серьезным. Но там рисунок, даже не фотография, рисунок. И написано: «Есть пророки в своем отечестве» – и восклицательный знак. Я такой думаю: «Ага, у меня еще есть несколько дней до смерти. Слетаю-ка я к Батюшке». Прибыл я к Батюшке. Он вроде меня так принял, начал поправлять и ситуацию внешнюю, и, главное, ситуацию внутреннюю, и головную, и сердечную. Как-то

мне легче стало. И он мне говорит: «Ну что, не хочешь помирать?» Я говорю: «Не хочу». – «Ну да, если бы ты поехал, тебя бы там точно убили». Он пророк был, ведь тот Батюшка, который вместо меня поехал... Так и случилось в ближайšie несколько месяцев. «Но напиши мне исповедь». А исповедоваться я люблю. Вы же все любите исповедоваться. Это же отчет о проделанной работе. Я понимаю, кто в советское время жил, там всегда же надо было. Я ему накатал 12 листов за одну ночь, школьную тетрадку стандартную. Приношу. Говорю: «Отец Василий, вот мои грехи, что меня в рай не пускают». – «Давай, давай сюда». Пошел в Покровский придел. Вот тут через боковую дверцу, вы знаете. Он вошел и дверцу оставил. А я стою. Был какой-то простой день. Молящихся было не так много. И что он делает? Он подходит к жертвеннику, становится на колени. А священник, когда сам исповедуется другому священнику, он не у престола. Он считает себя грешным. Он не достоин подходить к престолу. А он подходит к жертвеннику, опускается на колени. А исповедующий священник в руки епитрахиль и начинает его исповедовать. А он меня не позвал. Он положил вместо меня эту тетрадку мою на жертвенник, вот так вот положил. Что он там делал, я не знаю. Я стоял. Но через несколько минут он выходит и мне отдает эту тетрадку и говорит: «Порви, выкинь, сожги – все равно. Но скажу тебе честно, наломал ты немало дров». Еще он сказал: «Месяц походи помолись. Ходи каждый день, все тебе будет». Он всегда говорил: «Ходи ко мне, и все тебе будет, ходи в церковь, все тебе будет». Проходит месяц. Я хожу на все службы, и утром, и вечером. Полюбил уже и храмик, и кладбище полюбил очень. И вдруг через месяц, когда какой-то большой был праздник, не протолкнуться, я проталкиваюсь. Знаете, у него было чудотворение. Это нужно уже всем знать. Он только на тебя посмотрит, и перед тобой все расступаются, расступаются, тебе такая дорожка появляется. И он по этой дорожке идет ко мне и говорит: «Ну наконец-то ты ко мне приехал». А теперь я понял, когда он меня взял в духовные. Только когда я к нему приехал.

МОЯ ИСТОРИЯ

Екатерина Орлова, режиссер «Православной студии Петербурга»

Если сказать, что Батюшка Василий был необыкновенный человек, наверное, ничего не сказать. То, что нам повезло и мы счастливые – это точно. Даже не знаю, за что нам это.

Конечно, историй, связанных с его дарами, много. Хочу рассказать только одну. Была у меня в Москве чудная история, чудесная.

На выставке «Православная Русь» мы продавали свои фильмы. Все по 100 рублей в обычных боксах с обложкой, а в слимах маленьких несколько фильмов по 50 рублей. Подходит ко мне женщина и говорит, что денег у нее немного и поэтому она может купить только в слимах. А их 6 видов: Патриарх Алексий II, Серафим Вырицкий, Кронштадт, Крестный ход с чудотворной иконой Спаса в Тутаеве, Коневец и про Батюшку Василия Ермакова. Она все берет, а про Батюшку Василия диск отодвигает, говорит, что его знает не знает, слышать о нем не слышала, видеть его не видела и диск ей о нем не нужен. Хотя я сказала, что это старец.

О.Василий с Екатериной Орловой

Сразу подходит другая женщина и берет тоже все эти диски и про Батюшку и говорит, что она книги его читала и знает о нем. И сейчас на выставке видела его портрет. Там была выставка современных художников, и был неплохой портрет отца Василия Ермакова. Первая женщина слышит об этом и уходит. Через минут десять

она прибегает вся возбужденная и говорит мне: «Дайте мне тоже диск про Батюшку Василия, со мной произошло непостижимое. Я пошла посмотреть на портрет, о котором говорили, подхожу к портрету отца Василия и вдруг слышу его голос: «Ну что, мать, пятьдесят рублей зажала на фильм?»». И она дальше продолжает: «Дайте скорее мне этот фильм и адрес, как проехать в храм и на могилку к Батюшке». Я все ей объяснила. Я сама в волнении. Она его не знала. А такое не придумаешь, он именно так и мог сказать, это точно его речь: «Ну что, мать, пятьдесят рублей зажала на фильм?»

Вот тебе и наша жизнь. Живем, оказывается, рядом с такими людьми, как Батюшка Василий, Святейший Патриарх Алексий, старец Иоанн Крестьянкин, старец Николай Гурьянов... Царство им Небесное.

И после смерти своей они приводят людей к Богу.

ЛЮСЯ, Я ВСЕГДА С ТОБОЙ!

Людмила Васильевна Марченко, прихожанка храма прп. Серафима Саровского

Освящение воды на Крещение
в храме прп. Серафима Саровского

Мое воцерковление началось на подворье Оптиной пустыни. И с первых же дней ко мне стали подходить прихожанки и рассказывать: есть отец Василий Ермаков. Но я же не знала, что это он меня зовет. Буквально вскоре, вдруг ни с того ни с сего, я даже не понимала, откуда я вообще могу это знать, я прямо почувствовала – отец Василий Ермаков живет вот в этом доме. И я у всех начала спрашивать, а правда, что отец Василий Ермаков живет здесь? Они говорят: «А мы не знаем». А я в ответ: «Да я и сама не знаю, откуда знаю!» Сын мой Женя ходил со мной в Оптину пустынь. Однажды он поехал с друзьями, со студентами к отцу Николаю Гурьянову. Тот вышел к ним и говорит: «Хорошие курочки приехали! Но курочки-то не мои». Ну и к отцу Василию их направил. Одна моя знакомая, экскурсовод, тоже мне говорила: «Отец Василий – самый лучший Батюшка на свете! А духовные чада у него – самые интеллектуальные во всем Питере. И вы его чадо». В общем, звал меня Батюшка.

Однажды на Оптином подворье подходит ко мне священник и спрашивает: «А ты чье чадо-то?» – «Да откуда я знаю, – говорю, – чье я чадо, может, ваше?» А он мне отвечает: «Отца Василия Ермакова вы чадо, и вам надо ходить туда».

Поставил меня на молитву у огромной иконы прп. Серафима Саровского. Ну, я пошла, стою и молюсь. Время полчаса проходит – я все молюсь, время час проходит – я все молюсь. А он туда-сюда ходит, я только поворачиваюсь, он: «Молись, молись». Ну и стою молюсь. Ну и больше я туда и не пришла. Я стала на раннюю службу ходить в Серафимовский храм. На ранней Батюшка все время исповедовал. Получалось, что он выходил перед началом причастия. И, естественно, он меня видел, а я себе сказала: «Такого Батюшку заслужить надо». Я изначально к Батюшке относилась как к святому человеку. Я эту святость просто сердцем почувствовала, мне он был с первого дня святой, поэтому я, недостойная грешница, боялась к нему просто так сама обратиться. Поэтому стой и молчи, терпи, молись и учись. Я приходила и стояла. Потом начались такие вещи. Вдруг идет Батюшка с исповеди мимо меня, его крест зацепляется за мой кардиган, Батюшка тянет меня за собой и мне говорит: «Люся, посмотри, чем мы с тобой повязаны». А повязаны крестом. Таких моментов было несколько. Он мне давал понять: мы с ним крестом связаны. Вообще, я Батюшку изучала, да и сейчас изучаю. Я его до конца своих дней буду изучать, потому что это такой клад, это такой подарок Божий, я благодарю любимого Бога, что удостоилась вот такой ще-

дрости в лице такого Батюшки необыкновенного, родного, любимого мною горячо-горячо. Стали потихонечку общаться. Если кто помнит, если кто видит и знает, по пленкам, по фотографиям, я все время, уже даже потом, за спинкой его стояла. Вдруг он мне говорит: «А ты Женечке-то, передай, что я его очень жду».

Я ничего Батюшке не рассказывала о себе и своих близких. Проходит время, он опять: «Люся, скажи Женечке, что я его очень жду». Однажды набрала я теплых вещей и прочего целый баул по просьбе монахини и собралась ехать в монастырь. После молебна спрашиваю Батюшкиного благословения. И я уверена была, что он меня благословит. А он мне говорит: «Нет». Я встала и онемела, я не ожидала. Возле Батюшки никогда не было свободного места, это же кругом пчелы, просто пчелы на матку. А он говорит: «Люся, – говорит, – моя (вот этим всем стоящим людям), а у меня ее все крадут». Я это как услышала – у меня слезы. Такая реакция моей души была всегда на него, если я слышала его голос, у меня лились слезы – я уже потом поняла, что это от благодати. Я Батюшку очень сильно люблю, потому что в нем Бога много. Так много, что у меня слезы не могут держаться, сразу льются. У меня слезы полились, и тогда я ему сказала: «Батюшка, никогда никуда я от вас не поеду». Столько времени прошло, при Батюшке 20 лет, и без Батюшки уже 10 – я никуда, как я ему сказала, и слово я свое держу, и я ему верный человек, а он об этом знал и говорил после молебна, в пономарке: «И эта предаст, и эта предаст, и ты предашь, – там тетке какой-нибудь, – одна Люся мне верной будет до конца». Эти слова могут подтвердить и сейчас люди, которые их слышали не раз. Поэтому я говорю откровенно, что для меня настолько он мой родной и единственный, хотя я всех уважаю, я всех почитаю, каждый по-своему хорош, а он для меня один-единственный, потому что через него мне Бог себя показал. Я Бога люблю больше всего на свете, а Батюшку люблю так сильно, потому что в нем Бога много.

Было время, когда я могла возле Батюшки всю субботу с утра до вечера за спинкой простоять. Через это я и училась.

Все праздники – это даже говорить нечего, суббота, воскресенье с утра до вечера. Я по воскресеньям стояла каждый раз по две службы, это для меня была норма жизни. Когда Батюшка исповедовал, я молила и просила, чтобы Господь давал ему сил и крепости нас всех вытаскать. Никогда больше, где бы я ни молилась, с Батюшкой я никого не могу сравнить, даже никогда не делаю и не пытаюсь это делать, бесполезно, потому что это какой-то уникальный случай, когда Бог выбрал такого вот верного, такого преданного, такого простого, доступного и любвеобильного, и к Богу и к людям, у него на всех хватало любви, таких много не бывает. Когда я начала читать Иоанна Кронштадтского, и уже Батюшку могла как-то оценить, я поняла, что они родные по духу люди. Я как-то постепенно ближе становилась к Батюшке, просто тихонечко всегда где-то рядышком была.

Мы теперь очень часто с сыном о Батюшке вспоминаем и говорим. Как о родных людях говорят, они, может, за стенкой тут рядом, вот так мы о Батюшке вспоминаем постоянно. Первый раз Женя приходил к Батюшке без меня. А когда он пришел со мной, был очень интересный момент, Ба-

С любимым Батюшкой на Серафимовском

тюшка в приделе исповедовал, но народу было мало. Мы туда заходим, в стороночку встали, Батюшка нас еще не видит, потом поднимает глаза, увидел нас, все оставляет, никому ничего не говоря, уходит в алтарь. А шла служба. Мы все стоим, и я думаю, а вдруг Батюшка совсем ушел. Я пошла узнавать. И смотрю, Батюшка в алтаре на коленях молится. Вдруг он выходит из алтаря, идет, такой радостный, заходит в придел, при всех подходит, берет сына, обнимает его: «Сыночек мой, Женечка», – и начинает его целовать. При всех в обнимку вот так вот «сыночек мой», сыночек мой, Женечка. Прямо даже не знаешь, что это такое было. Когда у Жени родился сын, он сразу же позвонил Батюшке, чтобы узнать, какое дать ему имя. Батюшка помолился и сказал «В честь Василия Великого», а потом его дома сам и покрестил.

Я хочу сказать, он понимал хорошо всегда, кто к Богу тянется и любит, кто хочет еще больше любить и с ним жить, а кто хочет через таких вот людей Божьих поиметь, но при этом ничего самому не делать. Он над каждой душой работал. Если Батюшка кого-то брал в чада, то это был не пустой для него человек, он за него перед Богом и сейчас отвечает. Батюшка уникален тем, что такой духовной работы, чтобы все было так отточено, нигде я больше не встречала. В первые годы он на исповеди всегда пальчик так ставил и говорил: «Отточенное внимание!» Он обучал людей, учил, как надо к Богу идти, как надо жить, чтобы спастись, чтобы и на земле человеку было хорошо с Богом и потом быть с ним. Но Батюшка вот этот отточенный пальчик показывал людям до тех пор, пока понимал и видел, что кому-то еще это пользу принесет. А последние годы он не говорил этого и пальчика не показывал. Не для кого было уже больше. Как-то он сказал: «Они меня не слышат. Они меня не слушают».

Однажды он подходит ко мне, берет меня за руку в храме, при всем честном народе, чтобы все видели, он никогда ничего так просто не делал, любой его поступок – элемент обучения. Если кто внимателен, если кто хотел научиться, он это видел, он это принимал и для себя использовал. Я о себе говорю, например. Вдруг он меня берет и говорит громко всем: «Возможно, это Людмила Семеновна», – потом на меня смотрит и говорит: «А может она Людмила Тимофеевна? Но она Людмила Васильевна!» И вот таким вот образом мы проходим в пономарку. Там, не отпуская меня, он это все повторяет, потом уже до меня дошло, что это он меня таким образом всем представлял, что я его чадо. Мы вышли из храма, пошли по дорожке и пришли в домик на кухню, и там всем это он тоже

объявлял. После этого он меня стал в трапезную приглашать. Поначалу он меня в трапезной сажал с собой рядом, тарелка у нас на двоих, вилка у нас на двоих, чай на двоих. Это он так мне силы давал. А спустя годы, уже и я другая стала, для меня слышать его голос, даже не видя его, и этого уже хватало, я и за это Богу благодарна была, что он где-то рядом. Однажды в трапезной за столом было много народа, и зашел разговор о монашеских обетах. И тогда Батюшка сказал: «А у нас на Серафимовском два монаха – я и Люся».

Пришло время, когда мне Батюшка однажды говорит: «Люся, а давай мы будем с тобой, я буду кормить народ в трапезной, а ты здесь – в пономарке». Я говорю: «Батюшка, легко». И спустя какое-то время я уже прекрасно понимала, что это момент духовного ученичества, воспитательный момент. Он через этот момент показывал: «Делай как я». Это были не пустые посылки, все было у него продумано.

Продукты я покупала сама, за свои деньги, для этого я и работала. Приносились все туда, в пономарку. И в первую очередь, конечно, приглашались те бабушки, которые сами работали Богу, которые сами уже имели этот опыт и могли им поделиться. И народу кормили много. После такого нашего общения у всех радость, хорошее настроение, шли домой, несли благодать.

С дорогой матушкой Людмилой

Он все время вызывал у меня чувство благодарности, хотелось через него Бога благодарить. Богу ничего не надо, и так все его. Но Батюшка так себя вел, что никакого другого чувства, кроме как что-то сделать для него, отблагодарить, у меня не было. Приходя к Батюшке, люди сильно менялись. Человек даже и не понимал, что Батюшка Бога за него молит, а Бог человека меняет, потому что сам он измениться не может.

Сколько было моментов, когда мы провожали его. Моя задача Батюшку родненького проводить, темно, поздно уже, и в метро. И вдруг: «Люся! В машину!» И подвозил меня до дома. Это потому что он

На проповеди в Серафимовском храме

видел, что я ни к чему не прилипаю, не надо мне ничего. Поэтому он меня и допускал. Потому что мне это не вредило. Я готова была жизнь за него отдать и глазом не моргнуть, он все это понимал и знал.

Мы даже не столько с ним разговаривали, сколько Батюшка молился Богу, Бог мне раз – и я исполняю. Батюшка, как ребенок, радовался, что он помолился, а я, никакая еще, неготовая, услышала и исполнила. Он прямо видел плод своих трудов. Это такая была для него радость, и я это чувствовала. Я всегда очень старалась. Просто мне очень хотелось всегда его чем-

Скоро домой...

то отблагодарить, ему что-то приятное сделать, чтобы радость какую-то принести, чтобы не огорчать.

Вскоре после того, как он меня везде провел, точно такая же ситуация после всенощной была. Народу миллион, а он меня хватать опять в пономарку за руку – и повел. Я ничего не понимаю, ведет он меня на площадь перед храмом. А там стоят две машины. Я никаких предположений не строила, потому что я никогда ничего не жду, особенно для себя. Ничего мне не надо, ничего я не хочу, кроме Бога и Батюшки, чтобы ему что-то сделать приятное.

Вдруг мы подходим к машине, к первой. Он открывает дверь. У меня все время: «Кто я такая? Это что это? Кто я такая-то?» И у меня слезы. Кто-то смеется надо мной: «Плачет она». Если бы они Бога бы повнимательнее изучали: «Омой мя слезами моими, очисти мя ими, Слово!» Вот что такое слезы. Покаяния без слез нет. «Люсенька, – говорит Батюшка, – садись». И закрывает дверь. Кстати говоря, я не знаю, как другие чада, но про себя это точно могу сказать. Я – то чадо, которая никогда в жизни не задавала ему ни одного вопроса: а зачем, а куда, а для чего. Да сказал бы мне: «Иди, хлебай с лужи», – поверьте, пошла бы и хлебала. Села я в машину. За рулем Батюшкин зять, но я тогда этого не знала, едем. А сзади, оказывается, внук, Батюшку везет. Подъезжаем, останавливаемся, и я понимаю, что это тот дом, где Батюшка живет. Я про этот дом знала, когда Батюшку в глаза не видела. Батюшка подходит. Я выхожу, и он взял меня за руку и повел в дом. Звоним в дверь, заходим, раздеваемся, проходим в большую комнату. Стоит Людмила Александровна, мать. Он к ней со словами: «Посмотри, кого я привел». Мы с ней обнялись. Она меня целует, я ее целую. У меня слезы льются. Как будто это моя мама, просто давно я ее не видела. Вот такая родная-родная. И у нее ко мне

это, и у меня к ней это. Батюшка радостный такой. И вот этот контакт любви произошел, как искра. С тех пор на протяжении многих лет я очень часто стала бывать у них, но никому не говорила, что я вхожу в дом. Никто не знал, что я на всех праздниках там. И он тоже это видел и ценил. Батюшка часто говорил своим родным: «У нас есть Люся, а мы у нее». И когда Батюшка куда-либо уезжал, он всегда говорил: «Мать на тебе», – и добавлял: «Мать тебя уж больно любит». И пока его не было, я часто была с ней. Однажды Батюшка сказал: «Мать, ну ты посмотри, кого мы с тобой родили». Это духовно, естественно.

Семья у Батюшки была большая, а сейчас стала еще больше. Дети, внуки и правнуки – все очень достойные люди и мною сильно любимые.

Однажды Батюшка сообщил: «Мы переезжаем в новую квартиру». Я была очень этому рада, так как эта квартира, если честно сказать, была махонькая, и много лет Батюшка спал в одной из самых маленьких комнат. Там же спал его внук.

Но в новой квартире условия у Батюшки тоже были спартанские, диван, на котором спал, он не раскладывал, всегда создавал себе минимум удобств. Звонили ему люди с утра до поздней ночи. Потом он долго молился и спал всего несколько часов. А в свой выходной отвечал на большое количество присылаемых ему писем.

У меня были серьезные проблемы с позвоночником. Но я вообще никогда о том, что у меня болит, Батюшке не говорила, терпела. Однажды, как обычно по воскресеньям, мы с Батюшкой поехали к ним домой. Людмила Александровна ждала нас с готовым ужином. И вечером я подхожу: «Батюшка, благословите домой». Он говорит: «Нет, Люсь, ты что, какое домой? Завтра я поеду Травку причащать, вы с матерью туда-сюда, ни на какую работу, никуда».

Этот день проходит. Я подхожу: «Батюшка, благословите домой». А он: «Нет, у меня ж завтра выходной и мы с тобой пойдем по делам!» Я даже не спросила, что там с работой. Я знаю, что там все в порядке, что я там в данный момент не нужна.

Утром мы пошли на почту. И погода такая, снег, скользко. Мы идем. А я иду, думаю: «Господи, знали бы вы, кто со мной, с кем я иду!» Заходим на почту, он оплачива-

У нас есть Люся, а мы у нее

ет все, бумажечки, такой аккуратный, во всем. Писал письма на столе, везде во всем порядке. До мелочей во всем Божий! Все он оплатил, и пошли мы в магазин. А Людмила Александровна попросила купить селедку. Все заказы мы выполнили, а селедки нет. «Батюшка, селедки нет! Я не пойду домой без селедки! Батюшка, родненький, вы тут постойте, я сейчас быстро, я сейчас сбегу до метро». – «Да нет, Люсь, да пойдем...» Переходим дорогу, стоит машина, каблучок. И вдруг идут два дядьки и

несут пластиковые ведра с рыбой! Я говорю: «Батюшка, минуточку!» Батюшка улыбнулся уголочком рта. Я подхожу к ним, спрашиваю: «У вас селедка?» – «Селедка». Да какая! Вот такая жирная, здоровая, ну это что-то! Я такой селедки в жизни не ела! Ну разве это не чудо? Там хлебный был ларечек и фруктовый, селедки никогда никакой не было! Вот тебе Батюшка!

И он при этом скромно-скромно так: «А что ты переживала?» И так Батюшка меня не отпускал две недели, и на это время чудесным образом у меня перестала болеть спина. Это мне он такую передышку дал от боли.

Батюшка был живым Евангелием, эталоном для подражания во всем. Он был до того скромн, пальто носил с каракулевым воротником, какой-то там прихожанин умер – и отдал Батюшке это пальто. И Батюшка смиренно ходил в этом пальто. Сколько попыток было поменять пальто, дубленку покупали люди. А он тут же: «Отнесите сразу, пока не поздно, верните в магазине, верните себе деньги, нет-нет-нет». Это потрясюще совершенно. Я в свое время когда-то прочла у святых людей: «Не тот богат, кто много имеет, а тот богат, кто ни в чем нужды не знает». Вот я думаю, что это о Батюшке, насколько у него все действительно было скромно. Ему ничего не надо было.

В еде он настолько настоящий русский человек, свой патриотизм он подчеркивал даже в пище: картошка в мундирах, огурец большой, он маленький и не ел. Помидоры не любил, салаты не любил, любил селедку. Кисели любил, особенно белый, овсяный. Перед Великим Постом, накануне, он меня так накормил... Я его никогда в жизни не ела... Это надо было видеть... А поскольку дал Батюшка, у меня вопросов никаких не стояло, не могу или не хочу, или я не ем или еще что-нибудь. Я запивала нарзаном эту кашу, иначе я ее не воткнула бы всю. Но я ее воткнула. Но это было что-то. А при этом у меня первая неделя поста тогда, помню, впервые в жизни прошла легко и хорошо, и при этом и кушать не хочется, вот так он меня овсянкой дома накормил. Вот такое чудо.

За несколько месяцев до его ухода мы стояли в домике, там было много народа. Вдруг пришла тетенька, она из другого города приехала. Привезла митру. И достает красную. Батюшка стал ее смотреть, разглядывать, митра всем понравилась. Пока он ее разглядывал, она достает другую митру, белого цвета. А я стою и слышу: «А белая митра – в гроб». А я еще думаю, сзади что ли кто-то сказал... А потом, мысль такая: «Господи, сзади-то у меня стена была! Никого там не было!»

А когда она достала, Батюшка на нее строго так: «А ты зачем ее сейчас привезла? Я же летом просил...» И она ему: «Батюшка, мне деньги нужны...»

Когда я это услышала: «Белая митра – в гроб», – я: «Батюшка, а мы ее не берем!» Я плакала, я кричала: «Белую митру мы не берем!» А он так же в руки взял, посмотрел, что я одна плачу...

Он покрутил митру, на всех так посмотрел, я думаю, он ждал, что еще кто скажет по этому поводу, но никто ничего не сказал... Кричала и плакала одна я. И тогда он мне говорит: «Ну вот, Люсенька, эту митру ты на меня в гроб и наденешь». Я там чуть и не рухнула. Я говорю: «Да вы что!» Да я прекрасно знала, что никакая женщина не может митру надевать, но в конечном итоге оказалось, что сын мой и митру, и Евангелие, и крест – все в больницу привез, когда Батюшку облачали.

Настало время, когда к Батюшке перестали допускать людей. Абсолютно чужие, только-только что пришедшие, не зная ни

Батюшки, ни его школы, ни его трудов во славу Бога и нам в пользу, стали свои порядки там устраивать. Например, один не очень приятный человек, после мест не столь отдаленных, только что вышедший, сказал мне: «Я сейчас вас выкину отсюда». Естественно, конечно, я не позволила, но при этом я никогда Батюшке не жаловалась, не говорила. 16 января, за две недели до Батюшкиного ухода, я была на работе. Вдруг звонит Людмила Александровна и говорит: «Отец сказал, чтобы была быстро. Сейчас приедут дочери, все приедут, и сегодня будем праздновать Батюшкины именины...» Я помчалась. Невозможно было вообще даже подумать, что Батюшка может скоро отойти. Он и вида не подал, держался до последнего. Конечно, дочки приехали, родня приехала. Посидели, чаю попили. Такой праздник был. Как я это понимаю, это было прощание с семьей, куда я, недостойный человек, была приглашена. Когда стали собираться домой, Батюшка пошел нас провожать к выходу. И вдруг он мне: «Люсь, тебя обижают?» И неожиданно для себя я отвечаю: «Обижают». Он ответил: «Люсенька, никого не бойся. Ты там стояла, стоишь и будешь стоять». А уходя с последней своей литургии в храме, он повернулся и сказал: «Люсю не обижайте».

Батюшка – это чудо. Для меня он был, есть, будет всегда святым. Только я при жизни об этом не говорила, может быть близким кому-то, а сейчас я это говорю открыто. Святой был, и есть, и будет всегда. Батюшка знал лекарство от каждого духовного заболевания, и каждому, у кого оно какое было, он это лекарство применял. Он и священник, он и врач, он и любящий отец. Он все, в одном лице. Я такого больше не знаю. Таких, наверное, уже не будет.

Самое страшное наказание вообще-то было, если он от человека отворачивался и молчал. Правда, меня Бог миловал, я не знаю, за что уж меня такую грешную, но я видела это со стороны. Он не видит человека и все. И тогда человек начинал быстро работать над собой, начинал искать ошибку. Она, может быть, и незначительная какая-нибудь, но Батюшка даже этого не допускал, потому что чистым Божиим чело-

Я всегда с тобой...

век не может быть, не замечая мелочей. Все должно блестеть, быть отшлифованным. Вот так он готовил свою паству для Бога. Вот так он сам нес свое служение перед Ним. Как он Бога любил, так он и готовил людей, чтобы ему потом не стыдно было, чтобы он мог за каждого отчитаться с чистой душой и совестью, и сердцем, и с огромной любовью. Очень многих людей, которые приползли, побитые, избитые жизнью, грязные грехами, он отмывал, исцелял, и еще раз повторяю слово, оттачивал. Вот это Батюшкин труд. Вот это его заслуги. И поэтому 10 лет цветут цветы на могиле нашего Батюшки, и это не пустое, особенно в наше время. Батюшка духом все время здесь. Часто он мне говорил: «Люсь, я всегда с тобой». Так вот, «я всегда с тобой» – я это ощущаю постоянно. Я никогда не одна, а через него и Бог со мной.

ТЫ СТАЛА ДРУГИМ ЧЕЛОВЕКОМ

Елена Элконина, зам. директора издательства Русская классика

Однажды я зашла в Князь-Владимирский собор. Церковным человеком я тогда не была, просто иногда заходила в храм. В моем окружении не было православных людей, и я ничего не знала и не понимала. Подошла к иконе Серафима Саровского, где он молится в лесу на камне, и говорю ему: «Странный ты какой-то старик. Что ты там делал в лесу, я не знаю». Прямо так и говорю. «Но я бы очень хотела это узнать. Хорошо бы мне встретить какого-то “гуру”, чтобы он меня научил». И свечку тырк туда в подсвечник – и ушла. И вот в 33 года, через много лет, я оказалась в храме прп. Серафима Саровского у дорогого Батюшки Василия.

Привел меня Миша Шишков, Батюшкино чадо. Он же и рассказал мне про Батюшку. Я в то время работала в полиграфическом комплексе, и мы с Мишей начали делать книжку о Батюшке «46 лет на службе у Бога». Книжку эту отпечатали как раз к празднику Казанской иконы Божьей Матери и в этот же день первый раз пришла на Серафимовское. Тираж книжки я Батюшке подарила, и он меня поблагодарил, много сказал добрых слов, он вообще был исключительно благодарным человеком! На литургии в Серафимовском храме меня поразило ощущение, что храм был весь, как один человек, это была вот такая мощная духовная стена. Я прямо это чувствовала. И когда я там встала, я даже ни про Батюшку не думала, ни о чем, я просто поняла, что я отсюда не уйду никогда. Народу было немислимое количество, и стоять было просто невозможно. Люди не могли руку поднять, как это все происходило, но благодать была такая, что никогда ничего не случилось ни с кем, несмотря на то, что в мирской жизни никогда бы ты в такую толпу не полез и никогда бы ты там стоять не стал, потому что было бы просто страшно. А там это было все настолько естественно, и ты полностью понимал, что в этом ничего такого страшного нет и что ничего плохого не произойдет.

Через пару месяцев моего пребывания в храме Батюшка вышел на амвон, подошел ко мне и прижал мою голову крепко-крепко к себе. Я так удивилась, думаю, а что это так вот вдруг. И той ночью, это было на Сретение, умерла моя бабушка. Я же никогда с этим не сталкивалась раньше, и, видимо, Батюшка таким образом меня укрепил, потому что я, ничего не понимая, какие-то молитвы прочтала. Бабушку мы на Ковалевском кладбище похоронили, хорошее место там сразу дали, и было все так, как обычно, когда Батюшка за нас молился, но я еще тогда этого не знала. Потом поняла, что когда Батюшка молился, всегда открывался на все зеленый свет. Если мы куда-то ехали, то в поезде в купе никогда никого не было. Если мы путешествовали по святым местам, нам открывали все самое сокровенное, те места, куда обычно попасть невозможно и все в том же духе. Такие моменты постоянно в нашей жизни присутствовали, удивительно чудесные. Я потихонечку начала воцерковляться, исповедоваться, причащаться и Батюшке потихонечку помогала, чем могла, что для меня всегда было огромной радостью.

Однажды ему принесли фотографии из Болхова, с его родины, и он вдруг позвал меня и начал мне эти фотографии показывать. А я еще так удивилась, думаю: «Господи помилуй, Батюшкино это же личное, его такой момент, и мне вот тут вот ни с того ни с сего, такой недостойной, Батюшка показывает эти фотографии бол-

С Духовным отцом

ховские». А когда паломнические поездки, по Батюшкиному благословению, начались в Болхов, он меня с четырехлетней дочкой Наташей сразу туда отправил.

Болхов, конечно, это удивительное такое место, поразительное. Когда я туда приехала, у меня было такое чувство, на каком-то очень глубоком, генетическом уровне, что я приехала домой, что это все мое родное. И, конечно, эти поездки были просто какие-то потрясающие. Мы там практически не спали, вставали в 5 утра, ездили на этих сломанных автобусах, без кондиционеров, жара была просто страшная, но была такая благодать, что мы просто все легали на крыльях. И когда мы приезжали оттуда, все светились от счастья. Батюшка за лето меня туда отпра-

– город церквей». Батюшка, конечно, очень этому всему был очень рад. Православная студия Петербурга тоже туда ездила, снимали фильмы, передачи. Потихонечку, благодаря этому авторитету Болхова поднимался. Мы создали по благословению Батюшки паломническую службу «Болховская старина», начали строить гостиницу для паломников. И, конечно, все это поднимало дух и самих болховичей, которые по-другому уже стали относиться к своему городу, и с этого началось возрождение Болхова, начали подниматься храмы. И сейчас, конечно, Болхов уже не узнать. И все вот это произошло в первую очередь молитвами и трудами нашего дорогого Батюшки, который очень много сил положил на то, чтобы все это случи-

Смотрим фото города Болхова

вил, наверное, раз пять. Я очень полюбила этот город. И как-то так получалось, что какие-то моменты стали мне понятны, что им нужно напечатать для храмов, для народа. Батюшка хотел поднять авторитет Болхова, всем рассказать про этот старинный город, всем показать его красоту. Он мечтал, чтобы туда ездили люди, потому что там, в русской глубинке, такое место благодатное, через него Батюшка хотел людям показать Россию настоящую, чтобы они почувствовали дух Святой Руси, чтобы они полюбили Родину. И для этого нужно было печатать. Я делала книги, брошюры, календари про чудотворные иконы, про храмы. Книгу издали «Болхов

лось, и всех своих духовных чад, всех, кто мог что-то делать, всех, от кого что-то зависело, он всегда в обязательном порядке направлял в Болхов. Сам туда приезжал часто и делал все, чтобы Болхов воссиял. Батюшка говорил, что если будем возрождать маленькие города, возродим и Россию.

Для Батюшки было очень важно успеть в письменном виде донести до людей свою духовную школу, поэтому он уделял большое внимание изданию книг. Основная книга о нем называется «Тернистым путем к Богу», мы делали ее с Мишей Шишковым. Батюшка утвердил план книги, указал людей, которые должны расска-

зать о нем. Самое главное, конечно, он молился, и очень радовался, когда Господь нас вразумлял, и мы делали именно то, что нужно, и в книгах, и в наших каких-то других трудах для Бога. Почему для него были важны эти книги? Потому что очень часто вокруг таких людей, как он, великих, возникает много всяких досужих вымыслов, сплетен. И он спешил, я так понимала, издать все побыстрее. Говорил: «Чтобы про меня потом не сказали так же, как про отца Николая Гурьянова, что кошек воскрешал». Все, что Батюшка хотел сказать, донести, все основные моменты своих духовных поучений, своей жизни, в этих книжках, которые мы делали по его благословению, он отразил. Тогда были изданы его проповеди «Во имя спасения России». В составлении принимал участие Павел Платонов. Все названия книжкам Батюшка давал сам – «С Богом в оккупации», «Воспоминаний горькие страницы». Издавали Батюшкину диссертацию о смутном времени, стихи о нем, брошюры, календари, открытки и многое другое. Батюшка все это большей частью раздавал чадам и людям, которые к нему приезжали.

Мы принимали участие в православных выставках, стояли там с Батюшкиными книгами, с паломническими поездками по святыням Орловской земли. Батюшка всегда приходил на выставку «Православная Русь», духовно поддерживал организаторов.

Очень вскоре после моего прихода на Серафимовское настал такой момент, когда я всей душой очень глубоко почувствовала, кто такой Батюшка, и всю Батюшкину любовь. И в ответ на эту любовь я его так стала сильно любить! Словами эти чувства нельзя описать. Многие меня поймут. Это было как глоток воздуха под водой. Когда ты был на службе, даже одного Батюшкиного взгляда хватало, чтобы стать счастливым. Самое главное было для меня наблюдать, как Батюшка себя ведет и как он решает какие-то ситуации, как он общается с людьми, как он поступает. Это вот все я старалась сложить в своем сердце, впитать в себя и применять на практике. Конечно, он много нам в проповедях своих давал и говорил, и мы это слышали, но для меня было очень важно, что Батюшкины слова полностью совпадали с тем, как он жил. Батюшка был каким-то чистейшим бриллиантом, просто чистейшим. В нем нельзя было заметить ни одной темной точки, настолько он был исключительным во всех отношениях человеком и с духовной, и с человеческой точки зрения. Он был очень образованным. Он все знал, мог говорить на любую тему. Он мог говорить с ребенком, и тут же с каким-то профессором, и такое было ощущение, что он с каждым человеком говорит его языком, и человек это сразу же чувствовал, и Батюшка становился для него родным. Мы все время это наблюдали. Люди окружали его везде. После службы он шел в домик, и опять же за ним шла по дорожке огромная толпа народу, сотни, то есть забито было просто все людьми, и он принимал тех людей, которые нуждались в его совете, либо своих, у которых были какие-то вопросы. К нему очень много приезжало людей из других городов, из-за границы. Часто приезжали известные актеры, политики. Но он ко всем относился одинаково, с большой любовью. Сейчас, когда что-то в моей жизни такое происходит, когда я не очень хорошо понимаю, как мне себя вести, как решать определенные вопросы, я в первую очередь вспоминаю, как бы Батюшка в

этой ситуации себя повел и что бы он сказал, и это для меня самый главный ориентир. Это то, что в принципе в этой жизни для меня самое главное, потому что я всем сердцем чувствовала, что то, что говорит Батюшка – это правда. И нас теперь, чад Батюшкиных, которые впитали его школу, с пути этого не сдвинуть, потому что правда в тебе живет, ты это чувствуешь, понимаешь и стараешься жить так, как Батюшка учил и как он хотел, чтобы мы жили. Не всегда, конечно, получается, но это уже другой вопрос. Батюшка наш был необычный, прозорливый. Какие-то моменты ему Господь открывал чудесным образом и это нас очень укрепляло в вере. Иногда люди не церковные задают мне вопрос: «Ты веришь в Бога?», я говорю: «Я не просто верю. Я знаю, что он есть, Бог», потому что Батюшка наш дорогой настолько был пропитан Божьей благодатью, вокруг него столько происходило удивительных вещей, что для нас это стало уже обычной жизнью. Мы каждый раз, конечно, удивлялись, но понимали, что это есть, и знали, что это реально все существует. Мало того, он знал о нас все. Ему ничего не надо было рассказывать. Я о себе Батюшке не рассказывала ничего, но я знала, что он знает, потому что по каким-то отдельным фразам, которые он мне выдавал, говорил, я понимала, что Батюшка просто все знает, как я жила раньше, что со мной было и когда. Батюшка однажды сказал: «У меня очень большое сердце, и вы все в нем помещаетесь». И это действительно, было что-то такое невероятное, потому что Батюшка чувствовал боль и беду каждого своего чада. Например, однажды такой был случай. Мы все были в домике с Батюшкой, а дети наши, которые там все время вокруг нас вились, были на улице. Моя дочка Наташа тоже, и вдруг Батюшка говорит: «Моя Наташенька. Позовите ее. Моя Наташенька». Я бегом на улицу за Наташей, тащу ее к Батюшке. Смотрю, слезы что-то у нее. Говорю: «Что случилось-то?» А она, оказывается, в этот момент, когда Батюшка вот это сказал, прищемила себе палец. Я мать, стою и не чувствую, а Батюшка почувствовал, что в эту минуту ей больно, и в этот момент он ее позвал, помолился. Многие люди подтверждают, что в какие-то тяжелые жизненные моменты Батюшка приходит на помощь.

Часто Батюшка предупреждал о чем-то, но мы не понимали. Например, был однажды такой случай. Наташа на исповедь пришла. Может, лет 9 ей было. Батюшка исповедал ее и говорит: «Ну что, Наташка, чай будем пить?» Наташка: «Будем, Батюшка, чай пить» и пошла. А она в то время пыталась петь на клиросе. Пошла она на клирос. Смотрю, перед причастием физиономия ее высунулась вся в слезах. А ей чайку налили там, а она и выпила его радостно, и причаститься, конечно, не смогла в этот день. Какие-то ситуации он даже сам предупреждал. Однажды, помню, собрались ехать в Болхов. Уже взяли билеты. Пришли к Батюшке перед поездом. Там была большая компания, человек восемь. Он всех в одну комнату – меня в другую. Я сразу почувствовала, что-то не так. А уже билеты взяты, чемодан собран. Все уходят, всех благословляет: «Идите. А ты, Лена, оставайся». Я уже тут все поняла. Естественно, рада я не была особо этому. Все уехали, поезд ушел, а я все там сижу. Потом Батюшка заходит и говорит: «Ну, Лена, ну зачем тебе туда ехать?» Я говорю: «Ну да, Батюшка, зачем мне туда ехать?» Я не поехала, а буквально на следующий день у нас на производстве сломалась печатная машина, и если бы меня не было в тот момент, то было бы все очень сложно. Поскольку я была, то я сразу подключилась, решила все, сделала, как нужно и все работало дальше.

Батюшка никогда ничего просто так

не делал, просто так никогда ничего не говорил. У него во всем был смысл. И даже если ты не понимал, почему он так говорит, то все равно слушался, так как жизненный опыт показывал, что Батюшка никогда не ошибается. Я точно знала, что если Батюшка так говорит, то, значит, так надо делать. Понимаешь ты, не понимаешь, но ты должен сделать так, как он сказал, потому что всегда из этого получался толк и выходило в конечном итоге все правильно.

В Болхове с Батюшкой и Православной Студией Петербурга

У Батюшки было очень много духовных чад. Господь ему за его чистоту, за его преданность, за его верность, за его страдания, которые по жизни (у Батюшки жизнь же очень была непростая), он стойко, мужественно переносил, Бога за все благодаря, дал удивительные дары и оказывал огромную помощь, чтобы нас всех вести. Конечно, если бы он особым человеком не был, это же невозможно было бы столько людей окормлять и вести за собой

В гостях у Батюшки

к Богу. Однажды, например, мы, когда делали книгу «Болхов – город церквей», брали у Батюшки интервью, он рассказывал о кладбище болховском. А мы как-то все слышали и знали, что Батюшка хотел, чтобы его похоронили в Болхове. Батюшка рассказывает о кладбище, что там такие были памятники красивые, которые были разрушены коммунистическим режимом, что ими устали дорогу и все это надо восстанавливать, и я про себя думаю: «Кладбище восстановят. Батюшку похоронят в Болхове. Эх, и мне бы тоже бы туда бы, чтобы меня там же похоронили». В этот момент Батюшка поворачивается ко мне и говорит: «Нет, ты там лежать не будешь». То есть Батюшка даже знал, где меня похоронят. Ну и как можно было что-то такое наворотить и потом прийти к Батюшке и смотреть на него честными глазами? Это невозможно было просто. Это останавливало. Ты понимал, что Батюшка все равно знает про тебя все. И ему ничего не надо было никогда говорить. Меня он никогда не ругал, никогда. Обычно он даже открытым текстом ничего не говорил. То есть это было именно прикровенно. Как-то он вот так вот определенными ситуациями, своим отношением, какими-то шутками до тебя все доносил. Бывали часто такие случаи, когда около Батюшки стоишь, он с

кем-то говорит, и ты понимаешь, что он говорит тебе, что ты не прав, или каким образом ты можешь решить свои проблемы, или откуда твои проблемы берутся. Иногда, бывало, придешь к нему с каким-то вопросом, просто постоишь рядом и понимаешь, что тебе уже ничего не надо спрашивать у него, потому что ты уже все понял. И очень многие люди об этом говорили. И понятно, что часто просто ты спросить ничего не успел, а он тебе уже все сказал. Это уже была просто ситуация

абсолютно обычная. Батюшка всегда говорил, что самые счастливые мы будем только тогда, рядом с ним. И, конечно, ту полноту счастья, которое он нам дарил, ту радость души, нельзя сравнить ни с чем, потому что это такая была любовь, выше человеческих сил. Господь через него нам показывал, как сильно он нас любит. Это невероятно. Словами описать нельзя это состояние, когда Батюшка просто человека брал за руку, и человек становился счастливым. Он был все время в духе Божьем, Батюшка наш родненький, и вокруг него всегда была благодать. И когда человек попадал в охват этой Божией благодати, его такое переполняло невыразимое счастье, что все проблемы уходили на второй план. Тебе казалось, что их вообще нет, этих

проблем, и ты просто становишься счастливым ребенком. Мы приходили к нему и грелись в этих лучах Батюшкиной любви, Божией любви. Вот такая нам, грешным, милость была великая, такое сокровище Бог нам дал. Батюшка хотел очень, чтобы мы друг друга все любили. Он настолько всегда переживал, когда какие-то были внутренние неурядицы, когда между нами какие-то были отношения напряженные. Он всегда старался примирить нас, всегда старался, чтобы между нами, всеми чадами, была любовь. Это его всегда радовало, когда люди были вместе, когда они друг друга любили, когда они друг другу помогали. Самое главное, конечно, была служба. «Служба, – говорил Батюшка, – это пир веры», – и мы понимали, что главное – это то, что мы вместе с ним молимся. Когда Батюшка молился в храме, это было удивительно, настоящее торжество православия. Храм был весь, как один человек, и воздух в храме просто звенел. Такого я нигде не видела больше. Батюшкины службы – это было, конечно, небо на земле, и люди все это чувствовали. И поэтому такое огромное количество народу было в храме.

Потихонечку Господь меня Батюшкиными молитвами очищал, и через три года Батюшка мне сказал на исповеди: «Ты стала другим человеком». И как-то по мере того, как Батюшка надо мной трудился, он меня к себе приближал, то есть какие-то такие были мне милости грешной, он меня брал с собой, когда ездил к своим чадам духовным, в какие-то личные поездки,

приглашал к себе в гости домой. Особенные милости мне были, когда книжки выходили. Когда какой-то труд был завершен, Батюшка всегда давал духовную награду. Я знала Батюшкину семью. Они все очень достойные люди. Они сейчас для нас являются примером в жизни в очень многих вопросах. У него прекрасные дети, прекрасные внуки, замечательные правнуки. Помогите, Господи, всем им! Когда мы заканчивали книжку «Тернистым путем к Богу», это было в январе 2006 года, мы сидели в издательстве и подбирали фотографии к книге. Это было очень близко к дате ухода отца Иоанна Кронштадтского. И вдруг у меня возникла мысль, что Батюшка, как Иоанн Кронштадтский, скоро уйдет. Она возникла сама по себе, ничем не была вызвана. Я начала плакать, и я плакала три дня, не переставая. Остановиться вообще не могла. Мы поехали сначала в Иоанновский монастырь, потом в Кронштадт, в квартиру отца Иоанна, а я все время плакала. Ничего не могла сделать. А когда к Батюшке пришла потом, я уже не помню, какие слова он мне сказал, но он с такой любовью на меня посмотрел. Я поняла, что он знает, что я плакала. Тогда я все слезы и выплакала. А потом, наверное, может быть за пару недель до того, как он отошел ко Господу, он мне сказал: «Не плачь». Я привыкла во всем его слушаться. И когда он ушел, я эти слова помнила, ни одной слезинки не было.

Конечно, Батюшка каким-то чудесным образом, когда мы с ним общались, какие-то такие основные моменты отмечал в моей жизни и в жизни моих близких людей. Он мне давал понять, что будет вот так, причем не открытым текстом опять же, а какими-то такими небольшими расказами, словами, какими-то такими моментами, которые отпечатались у меня в сердце. И вот сейчас, когда либо перед тобой становится выбор, либо ты находишься в какой-то критической ситуации, когда тебе очень сложно, ты вспоминаешь вот эти Батюшкины меточки, которые он расставил, и ты понимаешь, что будет вот так. Ты действуешь в соответствии с тем, что он говорил, и сразу успокаиваешься. Для себя я знаю четко, что все, что говорил Батюшка, все сбывалось от и до, и все, что он сказал, оно будет именно так, как он сказал, а никак иначе. Вся моя жизнь тому подтверждение. Батюшка родненький всех выманивал, всех, кто были вокруг него. Он выманивал нас, он выманивал наших родных. Он даже выманивал тех людей, которые были с нами рядом. Он всегда говорил, что не бывает случайных встреч. Даже на тех людях, которых сейчас мы встречаем по жизни и по работе, чувствуются Батюшкины молитвы, Батюшкино влияние. Батюшка каждого человека, с которым нам приходится по жизни пересекаться, тоже берет под свое крыло каким-то образом. И некоторые из них потом начинают это ощущать и начинают

После Литургии у храма

соответствующим образом к Батюшке относиться, начинают любить его, начинают читать его книги, смотреть его фильмы. Многие люди, которые не знали его при жизни, все время носят с собой его фотографии, его календари. Он живой, Батюшка наш родненький, и он живет, и действует, и молится за нас, и молится за Россию!

БУДЬ ВСЕГДА СО МНОЙ

Наталия Ошко, прихожанка храма прп. Серафима Саровского

О. Василий с Наташей Ошко

К Батюшке меня привел отец Сергей Филимонов в 1999 году. Мы тогда организовывали Общество православных врачей Санкт-Петербурга. Отец Сергей был его председателем, а я была заместителем председателя и в тот момент занималась регистрацией организации. Одновременно я была главным врачом душепопечительского центра по борьбе с оккультизмом и помощи пострадавшим от оккультных воздействий, экстрасенсорике, магии. До этого я неоднократно слышала об отце Василии, о его прозорливости и духовных дарах от разных людей, даже приходила на Серафимовское, но пообщаться с Батюшкой не довелось. Отец Сергей меня к нему специально привез, хотел узнать, что скажет Батюшка. Ничего ему не говорил про меня. Батюшка вышел на крыльцо. Я стояла там. Еще два человека стояли, которых отец Сергей привез. А Батюшка ко мне подошел, меня обнял, так прижал и сказал: «Благословляю на подвиг тебя, благословляю. Промы их, тетка», – то есть всех колдунов, экстрасенсов, магов. С этого времени и до 2002 года я все время этими вопросами занималась. А отец Василий нашу деятельность благословлял и поддерживал. Мы ездили на все рождественские чтения, на конференции, принимали участие в серийной синодальной работе.

Мы пригласили в Санкт-Петербург отца Анатолия Берестова (профессора, невролога-педиатра, который возглавлял Душепопечительский синодальный центр во имя Святого Праведного Иоанна Кронштадтского в Москве на Крутицком подворье), и Батюшка с ним встречался в Серафимовском храме. Они долго разговаривали, четыре с половиной часа Батюшка с нами был, всех благословлял – священников, врачей, которые приехали с отцом Анатолием, и нас тоже. Отца Анатолия укреплял. Тряс его, как грушу, и говорил: «Что, не понимают тебя, да, профессор? Не понимают тебя». Он его тряс и обнимал. И вдруг Батюшка сказал отцу Анатолию: «Слушай, отец Анатолий, я тебя поздравляю. У тебя же сегодня день ангела». Отец Анатолий: «Как?» Он такой скромный. «Откуда вы узнали?» – «А мне Господь открыл». Батюшка увел отца Анатолия в алтарь. Через некоторое время вдруг отец Анатолий выходит в пасхальном облачении, очень счастливый, и показывает, чтобы его фотографировали. Все его стали фотографировать. Оказалось, что Батюшка на него надел пасхальное облачение отца Иоанна Кронштадтского (которое хранилось в ризнице в храме), таким образом он ему оказывал духовную поддержку и помощь, потому что у отца Анатолия очень тяжелый крест работы с сатанистами, с молодежью, пострадавшей от сатани-

стов, с наркоманами, с пострадавшими от компьютерной зависимости. И потом этот снимок стал самым дорогим для отца Анатолия. Он его всегда в своих кабинетах держит: если он переезжал из одного центра в другой, то везде ставил эту фотографию. Он всем строго-настрого запрещал даже пыль с нее стирать.

В 2002 году Батюшка меня благословил поехать в Польшу на обучение. Я там три месяца училась. Потом стала работать в Лавре по Батюшкиному благословию.

Однажды Батюшка надел рясу красивую, крест и сказал: «Я иду к наркоманам». Я сначала не поверила. А оказалось, что он действительно поехал в центр наркозависимых. После этого посещения он мне говорит: «Им же ничего не нужно. Они ничего не хотят слушать. Как ты с ними работаешь? Что ты с ними делаешь? Вообще что это? Зачем это? Им это ничего не надо». Я говорю: «Но нас же учили, специально учили, как это делать». В 2005 году приехал мой учитель, директор центра реабилитации наркозависимых (пациентов с двойным диагнозом: наркомания и каким-либо психиатрическим диагнозом) в Польше Анджей Май-Маевский. Он всемирно известный психиатр и президент Восточно-Европейской ассоциации терапевтических сообществ. И я сказала тогда, что обязательно нужно посетить моего духовного отца, чтобы он его увидел, чтобы они познакомились, и Батюшке я сказала, что я приведу к нему эту делегацию. Он нас принимал в пономарке, и долго они разговаривали через переводчика. У Батюшки направление профилактическое: не пускать детей на дискотеки, в злачные места, не доводить до этого, отцовской властью не пускать и все. И это правильно. Май-Маевский занимается реабилитацией тех, кто уже попал в эту ситуацию, и он с других позиций на это смотрел. Расхождения не было, потому что Батюшке он говорил, что надо давать детям любовь, к наркоманам строго относиться, но помогать им, заниматься их реабилитацией. И на этом они сошлись. Потом Май-Маевский мне сказал, что Батюшка необыкновенный человек, у него есть харизма. Отец Василий их благословил, и подарил цветы жене Май-Маевского. Вот такая была беседа, и они сошлись на том, что детьми надо заниматься, их надо понимать, их надо любить. Тогда не будет проблем.

После Лавры я работала заместителем директора благотворительного фонда «Кедр», который как раз был создан в помощь инвалидам и детям с проблемами, в том числе и наркозависимым. Мы участвовали в программе Евросоюза по реабилитации наркозависимых. Мы с моими пациентами ездили в паломнические поездки,

даже их родители, их девушки тоже ездили. В Болхов я возила одного парня, Димитрия. И он потом женился, и ребенок родился, девочка, Василиса, ее назвали в честь Батюшки. В Серпухов мы ездили. Но хотелось сделать свое что-то, чтобы целенаправленно организовывать поездки, и Батюшка это благословил и подарил 60 фотографий архимандрита Иоанна Крестьянкина.

И у нас первая поездка состоялась осенью именно в Пушкин и в Псково-Печерский монастырь, к Иоанну Крестьянкину, к его мощам, и в то место, где родилась великая княгиня Ольга. И это была очень благодатная поездка, потому что, конечно, Батюшка молился и все было по его благословию.

Помню последние встречи с Батюшкой при жизни. Мы уже знали, что к нему мало тогда пускали, он болел, был декабрь 2006 года. Мы там все, перед церковным домиком, как ученики, стояли – никого не пускали. И вдруг позвали меня: «Наташа, к Батюшке». Я побежала к Батюшке, говорю: «Батюшка, мы так хотели заехать на Новый Валаам. Благословите». Он сказал: «Да, конечно. Я благословляю всю эту вашу поездку» (это мы собрались в Финляндию после Крещения ехать на лыжах кататься). Я говорю: «Можно мы организуем поездку к святителю Николаю?» Рассказала ему, как мы планируем ехать через всю Европу. Он так оживился! Благословил и говорит: «Обязательно, конечно, обязательно едьте». – «А когда? Когда нам ехать в Бари?» – не отставала я. Он задумался ненадолго: «Сразу после Троицы!» Благословил. А потом я сказала, что у меня день рождения во вторник. Он говорит: «Я приду, обязательно приеду». И в этот день действительно он приехал, заходит в домик и говорит стихами: «Эти стихи для тебя». К сожалению, я их не помню, только последние строчки: «Будь всегда со мной. Не отходи от меня никогда!» Вот эти вот были слова, самые главные.

А про поездку, в которую мы должны были ехать после Крещения, я говорила: «Батюшка, как же мы поедем? Нет никакого снега, все растаяло. И как мы там будем кататься?» Он говорит: «Я вам сделаю снег. Будет вам снег». И действительно, когда мы поехали 20-го числа, уже после Крещения, целая группа большая была. Здесь, в России, была слякоть, никакого снега, все растаяло, дождь шел. Когда пересекли границу с Финляндией, там было уже минус 25. Все было в инее, в снегу. И я думаю так про себя: «Батюшка, ну это же слишком – минус 25». Сначала мы приехали в монастырь, и там нам рассказывали, что у них никакого снега не было, но неделю назад, до нашего приезда, вдруг выпал снег, начался мороз, и что нам так повезло, мы приехали, здесь все в снегу, так красиво, минус 25. Молились в монастыре. Когда мы зашли в старинный храм, там стояла чудотворная Конеvская икона Божией Матери, и лампада перед ней. Случайное неловкое движение... и масло из этой лампы вылилось прямо на канон, не куда-нибудь, а именно на канон, хотя расстояние было довольно большое. И весь канон был залит этим маслом.

Когда мы вернулись из этой поездки, Батюшку мы живым больше не увидели. Тогда, в поездке он все время нас оберегал, хранил (все это чувствовали). У маленького Кеши десятилетнего температура поднялась 38–39 градусов, везли практически больного, позвонили Батюшке, попросили его помолиться, и Кеша был здоров уже на

следующий день, да и мороз потом уменьшился до минус 5 (как просили). Когда мы вернулись, Батюшка уже был в больнице. Стали молиться. Никакого отклика не было. Я молилась, а ощущение было, что вата вокруг, что это все глухо, никуда это не идет, твои молитвы. Еще до поездки я Батюшку видела на ранней службе 19-го числа. Я пела на клиросе. А 18-го мне буквально как будто ангел мысленно сказал: «Все, Господь от вас Батюшку забирает». Я

О. Василий с о. Анатолием Берестовым и делегацией врачей у храма прп. Серафима Саровского

стала плакать: «Не надо. Почему?» Именно «забирают». На этой службе Батюшка был очень грустный, даже скорбный, подошел. Я как вцепилась в его рукав... А он говорит: «Ты пой, пой». Потом, когда три дня, пока он лежал в часовне, я подходила к кладбищу, начинала плакать (или в любом другом месте), моментально меня как будто бы окутывало такое теплое ласковое облако, и на душе воцарялся полный покой. Я не могла заплакать даже. Прямо вот тепло такое, ласка, нежность. И я не плачу.

Нас всех окружала Батюшкина любовь. Я не знаю, как у кого было, но у меня было так. И когда в эту ночь, когда он умер, был полный штиль и покой на сердце, и просто очень медленно и тихо падал густой снег белый, без ветра, без малейшего шороха – очень тихо и медленно. И просто это помню, эти минуты, этот момент. Вот так вот утешал Духовный Отец. Потом, когда Батюшка уже в храме лежал, мы с моей дочкой старшей принесли большой букет белых роз, там было четное количество. Танюше удалось пробраться ближе к дверям храма, и она вот-вот могла уже войти в храм, поэтому я передала ей эти розы, и вдруг она ко мне поворачивается, одну розу мне отдает и говорит: «Мама, посмотри, у этой розы в нескольких местах сломался стебель, и роз стало нечетное количество». А я говорю: «Я все поняла. Отдавай розы Батюшке». Теперь мы всегда несем цветы Батюшке – обязательно нечетное количество. Батюшка живой, он слышит нас, он не оставляет нас своими молитвами, пасет свое стадо. Все мои дети молятся за Батюшку. Недавно моя младшая дочь Аня, курсант Морской Академии им. адмирала Макарова, после второго курса была на практике на парусном корабле «Мир». Я тогда пошла к Батюшке на могилку и просила и за Аню, и за корабль, чтобы он победил. Они принимали участие в двух международных регатах – и наш «Мир» победил! Наш Духовный Отец продолжает окормлять и нас, и наших детей. Всегда мы чувствуем покров его молитвы над собой и его водительство. А как реализовались Батюшкины благословения уже после его кончины и продолжается то, что он нам всегда говорил: «Кто начальник аэродрома? Кто командует парадом?» – об этом отдельный рассказ.

Я ТВОЙ БАТЮШКА

Юлия Ломакина, землячка отца Василия

О. Василий с Юлей Ломакиной в домике на Серафимовском

Я никогда не забуду приезды отца Василия в Болхов. Я тогда работала в Спасо-Преображенском соборе. Он приходил в собор, садился с нами на лавочку. И всегда говорил о храме, рассказывал о своей жизни, о войне, и я для себя какие-то выводы делала тоже. Первый раз я лично поговорила с ним, когда у меня были большие сложности в жизни, тогда я только пришла в храм. У меня дома была очень тяжелая ситуация. Пришлось выбирать между храмом и семьей. Отец Александр наш мне говорит: «Юля, ну ты сходи. Вот Батюшка Василий приедет из Питера». Я же вообще Батюшку не знала, даже не слышала о нем никогда. Так получилось, что я к нему не пошла, а он сам пришел в собор, сел на лавку, я рядом. Только я рот начала открывать, что-то такое ему говорить, конечно, это был просто крик души, больше даже не вслух, а про себя, он начал сам рассказывать мне все, но не о моих событиях жизни. Он говорил о том, что внутри у меня происходило, утешал, говорил, чтобы я себя не осуждала. Чтобы я не падала духом. Уныние он терпеть не мог вообще. И все время меня оправдывал. Почувствовала я тогда очень родное что-то в нем. Словами не описать. Конечно, он необыкновенный, мы были дороги ему, такие, какие есть. И поэтому Батюшка всегда нас жалел.

Помню один момент, когда приехал он в Болхов. Мне тогда было тяжело, я жила от его приезда до его приезда. Просто какой-то глоток воздуха – и дальше опять до приезда. И он приезжает – выдох такой, и опять вдох, что он приехал, и он тебе что-то сказал. Я радовалась очень, но мне было так тяжело, я хотела что-то изменить в жизни, чтобы полегче стало. Тогда он сказал мне: «Ты здесь будешь, потому что это твой храм, а я твой Батюшка». Я даже никогда не думала, что я могу быть его чадом, вообще мечтать об этом не могла, потому что сколько у него чад, все же в Питере, а тут Болхов. Как это вообще может быть, это так далеко! В моем понимании было, что чадо – если кто-то рядом, на глазах. А если это на расстоянии, то как это? И вообще, как можно чувствовать, что происходит с человеком за сотни километров? Это был единственный раз, когда он мне это сказал, и я отчетливо поняла, что действительно он меня опекает, что он за меня так сильно молится, что я его молитвами иду, потому что идти-то сил у меня своих, в общем-то, нет никаких.

Однажды я ему позвонила из Болхова. Это был единственный раз вообще. Ну как нам всегда хочется: чтобы нас выслушали,

мы должны высказаться. А он мне говорит так конкретно по телефону: «Юлька, это ты?» Я говорю: «Батюшка, я». – «Ты чего?» Я говорю: «Батюшка, я вот хотела сказать...» Он так послушал немного и говорит: «Давай коротко и ясно». Какой тебе коротко? А ясно вообще никак. Ничего не ясно. И я молчу. Он говорит: «Ты что молчишь?» Мне казалось, что это длится долго. Вообще, это секунды, я понимаю, что он все время на линии был. Он мне говорит: «Я все понял. Ты думаешь, что ты уже все сделала, что ты поработала, Богу достаточно с тебя. Нет, от Бога отдыхать не будешь». И положил трубочку. Все. Все разговоры мои с ним совершенно маленькие и короткие. Но они меняли всю мою жизнь. Я только помню радость, Батюшка приехал – это огромная радость.

Когда он приехал последний раз к нам в Болхов, был момент – с ним никого не было рядом. Это было удивительно. Он зашел в собор, и я так обрадовалась. А он мне говорит: «Пойдем к отцу Георгию» (к мощам), взял меня под руку, и мы с ним пошли. Я помню, он на коленки встал перед ракой, голову положил на раку и так минуты, наверное, три сосредоточенно молился. Я чувствовала, что он разговаривает с отцом Георгием. И потом он встал: «Ну, пойдем». И мы с ним уже от раки шли, он меня спрашивал, как мои семейные дела.

Батюшка никогда ничего не говорил насчет того, что будет у меня, говорил только, что я должна быть на этом поприще в храме, до последнего вздоха. Еще все время говорил про мою дочь Аню. Тогда мы жили отдельно и не могли с ней часто встречаться. Я когда приезжала, он говорил: «Возьми шоколадку, доченьке отдашь. У тебя доченька есть?» Я говорю: «Есть». Я говорю ему: «Батюшка, я же ее увижу не знаю когда». Он: «Ну увидишь – отдашь».

Матушку Мариам из Николо-Одриного монастыря отец Василий любил, и она его тоже, слушалась всегда. И когда я приехала однажды в монастырь, заходим в ее келью, а там огромный портрет – Матушка Мариам и Батюшка рядом с ней, с ее посохом стоит. Она сказала мне: «Ты канон читай Державной иконе Божией Матери, и она все устроит». Сейчас я живу в Санкт-Петербурге с дочкой Анечкой. Она поступила в Медицинский педиатрический институт. Работаю я в храме Державной Иконы Божией Матери. А потому что кто была матушка Мариам? Отец Василий рядом с ней. И так все время происходит. И куда бы я ни приезжала – отец Василий всюду. Батюшка

всегда ведет. Когда я была уже здесь, в Питере, пошла устраиваться на работу санитаркой, собеседование проводил доктор. Я прихожу к нему, начинаю с ним разговаривать. Он говорит: «А я люблю ездить на Орловщину, у меня друг с тех мест. Он там знает много кого в Орле и в Болхове, такой город есть». Я говорю: «Так Болхов – это я там живу, там собор, где я работала». Он говорит: «Да, я там был. Там такой еще Батюшка есть». – «Отец Василий». Он отвечает: «Да, отец Василий. Он же в Питере, здесь живет». Я все время понимаю, что отец Василий рядом. Он просто ведет меня, как мне в Орле сказали: «Ой, да что ты волнуешься-то? Батюшка Василий всех своих пристроил и тебя пристроит».

Я работаю в церковном магазине в храме и, конечно, когда люди приходят в книжную лавку, особенно те, которые знают Батюшку, которые когда-то его видели, мы говорим о Батюшке, всегда очень радостно о нем слушать, как будто человек пришел как посланник от отца Василия, как будто Батюшка с нами всегда рядышком, просто идет, идет, идет. Один сказал, через некоторое время другой что-то рассказал, потом третий добавил. Всегда память живая. Она никогда не иссякает.

Люди приходят, покупают книжки его. И вот приехала как-то женщина, она купила просто кипу его книг, всяких разных: «Хочу подарить Батюшке». Я все удивляюсь, думаю, сколько времени их продают, неужели еще не купили. Нет, оказывается. А почему? А потому что к Батюшке сейчас много людей приходит на могилку, обращаются к нему с просьбами. Батюшка же помогает. Вот, например, у меня знакомая девочка в Орле вышла замуж, у нее не было деток – замещение и все, до определенного времени. А она такая девочка хорошая, с чистой душой, Оленька. Я говорю: «Оля, ты приедь, мы поедем к Батюшке на могилу. Батюшка всегда помогал. Ты молись ему. Ты проси. Как понимаешь, как можешь ты, потому что он же слышит. Он ходатай. Молись». Я ей фотографию Батюшкину дала, календарик. Она сейчас родила мальчика. Как они его называли? Василий. Вот почему люди книги берут и почему они их дарят. Потому что Батюшка же помогает, ходатайствует перед Богом. Люди от него помощи ищут и получают по его молитвам. Я все время вспоминаю, как отец Василий приезжал с чадами к нам в Болхов. У нас же народу никого в храме нет, очень мало кто ходит. И было очень радостно, что Батюшка приезжал с питерцами, большой толпой. Все такие радостные, мы понимали, конечно, эта радость идет от чада, от того, что отец всех их сплотил, и они взаимно уже это передавали. Радость просто жила между ними. Это реальность, которая существовала. И нам очень сильно передавалось это состояние радости. Когда они приезжали, для меня это всегда было счастьем, ветерочек такой радостный и такое веяние, и такой сразу силы, воздух даже пропитывался какой-то такой необычностью.

Батюшка хотел всегда видеть радость. В своей жизни я стараюсь настраивать себя на это. Когда унываю, говорю себе: «Батюшка бы сейчас тебе все сказал, что он думает».

Помню, однажды он приехал. Решила – пойду, буду ему жаловаться на всех и на вся, такие сопли распушу, слезы... Пришла к нему в дом. Он сидит в беседочке. У него как всегда народ, но в общем-то немного. Я села, сижу, мне же надо сказать, я же такая обиженная пришла. А Батюшка так смотрит на меня, как будто не видит. Я сижу. Один пошел, ушел, другой пошел, ушел, третий пошел, ушел, а меня вообще нет, я вообще не существую. Я думаю: «Что такое?» А потом подошел какой-то мужчина

О. Василий в Болхове. Беседа со священством.

ко мне, у Батюшки во дворе был еще прудик, уточки плавали, и что-то этот мужчина начал мне рассказывать про этих уточек, про пруд, что это Батюшке нравится. В общем, просто как-то ни о чем. Я чувствую, у меня настроение меняется, какая-то радость появляется. И мы начали смеяться с ним, с этим мужчиной. Батюшка на меня смотрит и говорит: «Ну, иди сюда». Я потом поняла уже, что такое. Слюни и сопли ему вообще не надо. Он не хочет так. Он хочет, чтобы радость. «Ну, давай, иди сюда» – а я уже ничего не помню, мне ничего не надо вообще. «Все хорошо?» – «Да, Батюшка, все хорошо». На самом деле так и было.

И сейчас Батюшка всегда рядом. Я прихожу на службу, так и Батюшка там. И у нас в храме везде Батюшка. У настоятеля отца Сергея – Батюшка, в лавочке у девочек календари с Батюшкой, в бухгалтерии Батюшка Василий. В храме у свечного ящика слова его. У меня – так вообще говорить нечего. Я когда даже в Орле из храма в храм переходила, перешла в Никольский храм, там отца Василия были фотографии. Отца Василия была даже роспись в стене в Богоявленском соборе. То есть куда бы я ни приезжала, я понимала, что я иду – и отец со мной, меня сопровождает. Сейчас у нас в храме Державной иконы Божией Матери тоже Батюшка есть в росписи. Он там такой подтянутый, молоденькое лицо. Он же святой угодник. И это очень одухотворяет, Батюшка тут, рядышком. Анечке я всегда говорю про Батюшку. Она на кладбище к нему ездит. И Дима, сын мой, приезжал. Он же военный. Когда он в военное училище поступал, у меня тоже был вопрос. Думаю, надо ли ему вообще это или нет. А потом я вспомнила Батюшкины слова, что из мужских профессий две главные: военный и священник, и как-то немножко успокоилась. Сын поступил и доволен.

Я Богу необыкновенно благодарна за то, что он дал мне такого человека на моем жизненном пути – важного, великого, большого, дорогого, любимого, близкого. Не знаю, как еще его назвать. Но очень надеюсь, что я буду с ним. Надеюсь. Не рядом, но так, хоть с краюшку, где-то недалеко от него. Но только с ним, конечно, потому что такой уж он любимый, дорогой. Слава Богу!